

СЕРГЕЙ
МОСКВИН

КОНТАКТ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ

Сергей Москвин

Контакт третьей степени

«ЭКСМО»

2010

Москвин С. Л.

Контакт третьей степени / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2010

Группа бойцов спецназа под командованием лейтенанта Рогожина и военный-ученый майор Крайнова откомандированы на загадочный военный объект «Хрустальное небо». Выясняется, что некоторое время назад здесь проводили какой-то рискованный научный эксперимент, в результате которого все работники объекта оказались уничтожены. Пути назад нет, связь с руководством потеряна, а в темной глубине армейского бункера за колючей проволокой притаилось нечто злое и крайне опасное...

© Москвин С. Л., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Львович Москвин

Контакт третьей степени

Всем сохранившим рассудок

*от командира взвода охраны
старшего лейтенанта Смержалина В.П.*

ДНЕВНИК

1

Я полностью отдаю себе отчет в том, что нарушаю приказ о введении режима секретности и подписку о неразглашении известных мне сведений. Но я уже не представляю, что еще можно сделать – меня никто не слышит. Поэтому я решил записывать все происходящее. Те, кто столкнется с этой заразой, должны понимать, с чем они имеют дело.

Здесь все считают Это мертвым, но Оно живо. Я знаю. Я это чувствую. Каждую ночь Оно скребет мой череп, пытаюсь проникнуть в мозг. Я отчетливо слышу, как трещит и раскалывается моя голова, когда Оно сжимает ее своими невидимыми щупальцами. Но Оно охотится не только за мной. Я своими глазами видел, как по ночам искажаются болью лица солдат, когда Оно забирается к ним в мозги. При этом одни начинают что-то бессвязно бормотать во сне, другие метаться по кровати, а вчера рядовой Дегтярев голыми руками так согнул металлическую спинку своей койки, что на следующий день ее с трудом смогли выпрямить несколько человек, да и то лишь с помощью молотка и кувалды. При этом никто из солдат, включая Дегтярева, не помнит, что они чувствовали во время ночного транса. Неужели нечто подобное происходит и со мной? Какой кошмар! Что же тогда чувствуют ученые, которые непосредственно работают с Этим? Или Оно уже окончательно укоренилось в их сознании?!

Нашему взводу отведена узкая задача – охрана периметра, и никто не посвящает нас в детали проводимых в бункере исследований. Но я точно знаю, что бы там ни происходило – это обман. Оно играет с исследователями, как кошка с мышью. Оно заманивает их своими подачками. Так опытный рыбак сначала прикармливает рыбу, прежде чем подсечь и выловить ее. И Оно вовсе не так бессильно, как кажется. Авария, которая произошла на испытательном полигоне, – вовсе не несчастный случай. Это Оно устроило ее. Оно уже начало убивать людей, но почему-то никто не хочет этого замечать.

Здесь все считают Это величайшим открытием и бесценным даром человечеству, забывая, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И дверца этой мышеловки вот-вот захлопнется. Оно – зло, страшное зло, которое себя еще обязательно проявит. Я боюсь, что этот момент уже близок.

ГЛАВА 1

Чрезвычайная ситуация

Полночь, словно обрушившийся нож гильотины, отсекала нервную суматоху минувшего дня. Еще недавно беспрерывно надрывавшиеся телефоны, включая и аппарат прямой связи с министром обороны, непривычно молчали. Сидящий за столом немолодой мужчина с усталым, осунувшимся лицом и покрасневшими от недосыпания глазами поймал себя на мысли, что уже как минимум полчаса ему не приходится отвечать на звонки. Его, наконец, оставили в покое. Похоже, одолевавшие его в течение дня кураторы проекта из ближайшего окружения министра устроили себе ночную передышку, чтобы с утра наброситься на него с новой силой. Или же в руководстве Минобороны окончательно утвердилось мнение, что начальник отдела экспериментальных исследований полковник Панов не контролирует ситуацию.

Ситуация вышла из-под контроля еще девять дней назад, когда с «Хрустальным небом» пропала связь. Но ни у Панова, ни у его подчиненных, ни у самого министра, которому ежедневно направлялись подписанные начальником отдела сводки о ходе эксперимента, не хватило духа признаться в этом. Правда, Панов тогда еще надеялся, что в ближайшее время все разрешится, что потеря связи – это не более чем обычная поломка или чья-то досадная оплошность. И он был не одинок в своих заблуждениях. Так думали практически все сотрудники отдела, а кое-кто из них и сейчас в этом уверен.

Панов поднял глаза от расставленных на его рабочем столе телефонных аппаратов и посмотрел на сидящую напротив молодую женщину. Ее лицо, поза, прямой, открытый взгляд, несмотря на поздний час, полны энергии, выражали абсолютное спокойствие. Полковник невольно вспомнил самого себя. Когда объект «Хрустальное небо» и связанная с ним исследовательская программа «Арена» существовали только на бумаге, его тоже переполняли энтузиазм и энергия. Еще бы! Тогда у любого специалиста, знающего об истинных целях исследований, от рядового сотрудника экстренно созданного совсекретного специального отдела до министра обороны, от открывшихся невероятных перспектив кружилась голова.

Но за девять дней, минувших с момента аварии, вся энергия куда-то растерялась. Возраст и напряжение последних суток взяли свое, и сейчас Панов не чувствовал в себе ничего, кроме безграничной усталости. Пожалуй, он уже действительно слишком стар, чтобы руководить отделом. Вот Ольга... Панов снова взглянул на женщину, уверенно расположившуюся за приставным столом, на ее ухоженные руки с безупречным маникюром, лежащие по обе стороны от папки с документами, в которую она, кстати, за все время доклада ни разу не заглянула. Если кому и можно доверить отдел, так это ей. Ольга прекрасно осведомлена о ходе эксперимента. Именно она составляла все аналитические справки для министра обороны, подбирала и тестировала персонал «Хрустального неба». Ольга отличный специалист и способный организатор. У коллег, не считая нескольких завистников, пользуется уважением, причем совершенно заслуженно. Объективно она лучший кандидат на должность руководителя, но новым начальником отдела министр все равно назначит своего протеже Феоктистова. Хотя, кроме сбора слухов и сплетен, которые он регулярно передает кураторам проекта, Феоктистов не делал ничего полезного и лишь один единственный раз побывал на «Хрустальном небе», да и то не спускался ниже второго уровня. И это первый заместитель начальника отдела!

Панов презрительно хмыкнул, и сидящая напротив него женщина сразу это заметила.

– Вы не согласны со мной, Михаил Александрович? – удивленно спросила она.

– Нет-нет, Ольга Максимовна. Продолжайте, – виновато потупился он.

– Собственно, я уже закончила, Михаил Александрович. Вот список кандидатов, из которых я предлагаю сформировать досмотровую группу. – Ольга вынула из своей папки верхний лист и протянула через стол Панову.

Полковник пробежал глазами список, в котором значилось восемь фамилий, и положил его перед собой.

– Еще восемь человек. Вам не страшно за них?

– Простите, Михаил Александрович? – переспросила Ольга. Ее тонко выщипанные брови взлетели вверх, отчего лицо приобрело растерянное выражение, которое Панову прежде не доводилось видеть. – Но ведь необходимо выяснить, что произошло на объекте. А без досмотра, одними техническими средствами, это сделать невозможно.

– Вы действительно считаете, что так уж необходимо знать, что там произошло? Может быть, правильнее было бы остановить эксперимент? – «И уничтожить „Хрустальное небо“ вместе со всем содержимым», – мысленно закончил он.

На этот раз у Ольги вовсе не нашлось слов. Несколько секунд Панов смотрел в ее вытянувшееся изумленное лицо, но так и не дождался ответа.

– Не обращайтесь внимания. Я, видимо, сильно устал за последние дни, вот и лезут в голову всякие глупости. Итак, вы подобрали кандидатов в досмотровую группу. Что это за люди?

– Мы все устали, Михаил Александрович, – охотно согласилась она, и на ее лице появилось облегчение, а на побледневших щеках вновь выступил румянец.

Ольга придвинула к себе папку и начала быстро перебирать бумаги. Наблюдая за ее суетливыми движениями, Панов подумал, что таким образом она просто пытается занять руки. Наконец женщина справилась с волнением и подняла на него глаза.

– Отобранные кандидаты – бойцы спецназа ГРУ, сослуживцы из одного подразделения специальной разведки. Что я считаю крайне важным, так как разведчики представляют собой слаженную команду и способны четко взаимодействовать между собой в любых, в том числе и экстремальных, условиях. Все побывали в командировках на Северном Кавказе. Двое из восьми имеют боевые награды.

– Вы считаете, для разведки на «Хрустальном небе» этого достаточно? – с издевкой спросил Панов. Ольга не заслужила такого обращения, она всего лишь выполняла свою работу, причем делала это хорошо, но он ничего не смог с собой поделать.

Женщина вздохнула.

– Михаил Александрович, мы не знаем, с чем им там придется столкнуться. И никто этого не знает, ни один человек! Но бойцы специальной разведки как раз и готовятся действовать в незнакомых, быстро меняющихся условиях. И не просто действовать, а успешно решать поставленную им боевую задачу.

Она замолчала, ожидая от начальника слов согласия и одобрения, но Панов только молча кивнул. Выдержав паузу, Ольга извлекла из своей папки несколько скрепленных металлической скобкой листов и положила их перед начальником на стол.

– Командир разведгруппы, старший лейтенант Глухарев Павел Аркадьевич, участник девяти боевых операций. Двадцать шесть лет, был женат, два года назад развелся, детей нет.

С распечатанной на первом листе фотографии, скопированной, очевидно, из личного дела, строго глядел плотный широкоплечий офицер с мужественным, грубоватым лицом. Его чуть сведенные к переносице брови и широкий подбородок с поперечной вертикальной складкой свидетельствовали о жесткой воле и решительности своего обладателя, а глубоко посаженные внимательные глаза указывали на богатый жизненный опыт. Если бы не слова Ольги, Панов решил, что изображенный на фотографии человек как минимум на пять лет старше.

– Его заместитель, лейтенант Рогожин Дмитрий Антонович, год назад с отличием окончил Рязанское высшее командное училище воздушно-десантных войск. Кандидат в мастера

спорта по рукопашному бою, двадцать три года, не женат, в училище и на месте службы характеризуется положительно.

На стол перед Пановым легла новая подборка листов с материалами о следующем кандидате. Они тоже содержали распечатанную фотографию, причем изображенный там молодой розовощекий лейтенант со смешными сморщенными ушами разительно отличался от своего командира любопытным, по-мальчишески пытливым взглядом. Стоило Панову взглянуть на эту неумелую фотографию, сделанную неизвестным гарнизонным фотографом, как незатихающая неотступная боль врезалась ему в сердце острым шипом. Лейтенант на фотоснимке совсем не походил на сына Панова, погибшего месяц назад при испытаниях экспериментальной авиабомбы объемного взрыва, и в то же время чем-то неуловимо напоминал его. В следующее мгновение Панов понял, что объединяет незнакомого лейтенанта на черно-белой фотографии и его трагически погибшего сына – вот этот пытливый взгляд. Взгляд исследователя, экспериментатора, а проще говоря, взгляд человека, стремящегося во что бы то ни стало докопаться до истины. Панов не сомневался, что именно желание как можно скорее выяснить причину отказа толкнуло его Алексея отправиться с группой саперов к неразорвавшейся бомбе. Отказы опытных образцов вооружения во время испытаний не редки. Ситуация даже не выходила за рамки штатной. Поэтому ни начальник полигона, ни руководитель эксперимента даже не попытались остановить его. Никто на наблюдательном пункте и предположить не мог, чем все это закончится.

После трагедии Панов, пользуясь своим служебным положением, скрупулезно изучил все материалы следствия и убедился, что взрывотехники действовали строго по инструкции. Они расположились на безопасном расстоянии от неразорвавшейся бомбы, а для ее осмотра направили управляемого механического робота. Когда изображение бомбы появилось на экране монитора, и произошел взрыв, оказавшийся на порядок мощнее ожидаемого. Докатившаяся даже до наблюдательного пункта взрывная волна на сотню метров отбросила полутонного робота от эпицентра взрыва, а тела саперов и отправившегося с ними инженера-конструктора просто размазала по поверхности полигона – их собирали буквально по крупичкам, причем от семи взрослых мужчин не набралось и десяти килограммов обгоревших останков.

Панов прикрыл рукой повлажневшие глаза. Во время страшной и совершенно бессмысленной процедуры опознания, потому что опознавать было практически нечего – он узнал только закопченный корпус часов своего сына, ему удалось сдержать подступившие к глазам слезы, но сейчас выдержка изменила ему.

– Что с вами, Михаил Александрович? – растерянно спросила Ольга.

Заметила! Как некстати. Не отнимая ладони от лица, Панов еще ниже склонился над столом.

– Все в порядке, Ольга Максимовна. У вас еще что-нибудь?

– Выписки из личных дел остальных разведчиков, – она зашелестела бумагами.

– Оставьте и можете идти.

Панов сложил в стопку полученные бумаги, но когда Ольга в недоумении встала из-за стола, добавил:

– Благодарю вас, Ольга Максимовна. Я просмотрю ваши материалы, и завтра мы вернемся к этому вопросу. А сейчас отдыхайте. Сегодня для вас выдался тяжелый день.

– Как и для всех нас, Михаил Александрович.

– Как и для всех нас, – мрачно согласился Панов.

Дождавшись, когда Ольга выйдет из кабинета, он нащупал в кармане пузырек и положил под язык капсулу нитроглицерина. Через несколько секунд ледяной шип в сердце постепенно растаял, но полковник Панов еще долго не мог заставить себя взяться за изучение личных дел отобранных кандидатов.

* * *

За пятьсот метров до цели земля вздыбилась от взрывов, а с вершины холма, где окопались «боевики», ударили пулеметы. Вести прицельный огонь в дыму разрывов невозможно, но пулеметчики «боевиков» компенсировали этот минус старанием, поливая склоны холма кинжальным огнем. Утопая по щиколотку в изрытой и наспигованной настоящими осколками земле, Дмитрий метнулся к бетонному желобу, подавая пример бегущим следом Чирку и Жиле. В десяти метрах правее от него разорвалась очередная установленная мина, другая, выпущенная из миномета, со свистом пролетела над головой. Лишь бы не задела никого из парней, на бегу подумал он. На такой скорости даже пустая болванка в два счета разmozжит голову или выпустит кишки, не помогут ни шлем, ни бронежилет.

Пригибаясь к земле, Дмитрий преодолел последние метры, отделяющие его от спасительного желоба. Вот и укрытие! Он перемахнул через край выложенного бетонными плитами противотанкового рва, кубарем скатился вниз и с облегчением плюхнулся на дно. Сюда не залетали гранаты и мины, и даже грохот разрывов слышался как будто тише. Наконец можно было перевести дух без опасения, что в тебя угодит случайная мина или накроет взрывная волна разорвавшегося рядом имитационного заряда. Но это было опасное желание, потому что группа еще находилась под обстрелом. Только Жила и Чирок, спрыгнувшие в ров следом за ним, натужно сопели рядом. Не позволяя себе расслабиться, Дмитрий вскочил на ноги, оглядывая укрытие. Глубокий ров прямой стрелой тянулся до самой вершины холма. Он мог бы стать безопасным проходом на позиции «боевиков». Мог бы! Потому что в действительности являлся смертельной ловушкой.

Дмитрий махнул рукой сопровождающим его разведчикам: следуйте за мной; ловко вскарабкался по покосившимся плитам и снова вынырнул на поверхность. Чирку и Жиле было непросто заставить себя покинуть казавшийся таким безопасным ров, тем не менее они беспрекословно последовали за ним. Зато уже через несколько секунд в шлемофоне загремел раздраженный голос Глухаря:

– Чугун! Какого лешего?! Назад!

Дмитрий опешил: неужели Глухарь не понимает, что желоб – это верный путь под пули «боевиков»? Но раздумывать было некогда. Он крикнул в микрофон:

– За мной! – и бросился к вершине.

В ответ в наушниках раздался отборный мат Глухаря. Но тут между ним и бегущими следом Чирком и Жилой разорвалась натяжная мина, и крик Глухаря утонул в ее грохоте. За себя Дмитрий был уверен, значит, это кто-то из его бойцов не заметил растяжки. Он упал на землю и проворно откатился в сторону. Впереди, за кучей щебня, укрылся один из пулеметчиков «боевиков». Он ловко замаскировался, и Дмитрий увидел его лишь потому, что тот возился со своим пулеметом, разворачивая его в сторону сработавшей растяжки. Дмитрий опередил противника на долю секунды, выпустив по нему длинную очередь из своего автомата. На мгновение их глаза встретились, и «сраженный боевик», выпустив оружие, тяжело опустился на щебенку.

Рядом с Дмитрием на песок плюхнулся Жила. Он тяжело дышал от быстрого бега, но все было ясно и без слов: раз Жила остался один, значит, это торопыга Чирок напоролся на растяжку. Прочертив рукой намеченный путь, Дмитрий указал Жиле на вершину, которая как будто нисколько не приблизилась. Сержант понимающе кивнул. Но стоило им подняться на ноги, как сверху опять ударили пулеметы, заставив снова упасть на землю. Не дожидаясь, пока пулеметчики пристреляются, Дмитрий по-пластунски рванул к ближайшему укрытию за кучей щебня, откуда на него злобно скалился «застреленный боевик». Ползти по острым камням оказалось еще тяжелее, чем бежать. Дмитрий в нескольких местах разодрал свой десантный

комбинезон, расцарапал локти, и, если бы не защитные перчатки на руках, наверняка стер бы в кровь ладони. За насыпью он позволил Жиле несколько секунд передохнуть – тот совсем выбился из сил, а сам попытался по рации связаться с командиром. Но Глухарь упорно не отвечал. Зато на позициях «боевиков» внезапно вспыхнула ожесточенная стрельба, одна за другой рванули четыре штурмовые гранаты, вслед за которыми в небо со свистом взвилась красная сигнальная ракета – отбой атаки!

– Писец! – облегченно выдохнул Жила.

Он был рад, что все наконец закончилось, и не собирался пускаться в размышления. Зато Дмитрия сигнал отбоя привел в полное недоумение. Он даже поднялся на ноги, чтобы лучше рассмотреть вершину холма, до которой они с Жилой так и не добрались. Идущая следом группа Глухаря могла попасть на позиции «боевиков» раньше передового дозора лишь в одном случае: если бы воспользовалась прорытым на полигоне противотанковым рвом, где «боевики» просто обязаны были устроить засаду. Но вопреки логике боя среди вражеских позиций в полный рост расхаживал Глухарь с остальными бойцами, которых там никак не могло быть.

«Уничтоженные боевики», сбившись в кучу, уселись на краю окопа. Многие достали сигареты и закурили. Они были еще слишком злы на своих победителей, чтобы обмениваться с ними впечатлениями о ходе прошедшего боя. Дмитрий хорошо знал это состояние: разговоры начнутся позже, когда схлынет вал эмоций и взаимных обид за выстрелы в упор, вывихнутые руки, синяки и ссадины, без которых не обходится ни одна рукопашная схватка. Даже применяемые на учениях специальные патроны с уменьшенными пороховыми зарядами и резиновыми пулями, как и выданные каждому бойцу средства защиты: бронешлем с пуленепробиваемым забралом и кевларовый пулезащитный жилет – не способны полностью обезопасить от травм.

Сзади подошел Чирок. Он сильно прихрамывал на правую ногу, словно подорвался на реальной, а не на имитационной mine.

– Что с ногой? – спросил Дмитрий.

Чирок пожал плечами:

– Подвернул, когда падал. Наверное, растяжение... Ну что, пойдём к нашим или, может, здесь их подождём? – с надеждой в голосе спросил он.

«Застреленный» Дмитрием пулеметчик уже взбирался по склону со своим пулеметом в руках. Чирку такая перспектива совершенно не улыбалась. Ему вовсе не хотелось ковылять с поврежденной ногой на вершину холма, но Дмитрию нужно было получить у командира объяснения. К тому же по завершении учений вся группа обязана собраться вместе, а Глухарь не спешил покидать занятые позиции.

– Идем, – отрезал Дмитрий. – Жила, помоги.

Жила с готовностью подставил травмированному напарнику плечо, и они в обнимку двинулись вверх. Дмитрий сначала шагал рядом с ними, но, убедившись, что Чирков успешно обходится помощью Жилина, обогнал разведчиков и вырвался вперед. Ему не хотелось объясняться с Глухарем при подчиненных, но тот, едва заметив его приближение, закричал издалека:

– Лейтенант Рогожин, ко мне!

Пришлось подчиниться.

Глухарь уже снял бронешлем и подшлемник, отчего вокруг его грязного и потного лица открылся овал светлой незапыленной кожи.

– Почему вы оставили ров и не вернулись назад, несмотря на мой приказ?! – по-прежнему обращаясь на «вы», строго спросил он.

– Иначе дозор и вся группа попали бы в устроенную противником засаду, – ответил Дмитрий. – Потому что в реальности засевающие на высоте боевики поставили бы напротив рва пулемет и выкосили нас кинжальным огнем или забросали гранатами.

Глухарь даже не стал его слушать.

– Почему вы не выполнили мой приказ?! – играя желваками, повторил он.

– Потому что я не самоубийца и не пустоголовый дуболом, который бездумно бросает своих солдат под пули! – повысил голос Дмитрий.

– Ты кого назвал «дуболом», сопляк?! – взревел Глухарь, сжав кулаки.

Дмитрий запоздало сообразил, что перегнул палку. И хотя он вовсе не имел в виду Глухаря, его последняя фраза прозвучала как оскорбление. Один на один с Глухарем вспыхнувший конфликт можно было замять. Но спор проходил на глазах всей разведгруппы. Даже подошедшие позже остальных Чирок и Жила наверняка слышали каждое слово. Значит, Глухарь не стерпит обиды. Что делать, если он сейчас бросится в драку? Бить командира? К тому же схватка может и не ограничиться выяснением отношений на кулаках. За спиной у Глухаря автомат, а на поясе уже не имитационный, а реальный боевой нож.

Мгновенно прикинув возможные последствия, Дмитрий отступил назад, увеличивая расстояние между собой и кипящим от ярости командиром. Ему не хотелось ввязываться в драку с Глухарем, но если до этого дойдет... Ситуацию спас резкий зуммер рации, не той, что была встроена в шлемофон каждого разведчика, а той, что получил Глухарь для связи с командованием.

Остановившись на месте, он вытащил из-под бронежилета плоскую коробочку с выдвижной антенной и, нажав клавишу передачи, сказал в микрофон:

– Восьмой на связи.

Глухарь страшно не любил свой псевдоним, являющийся, как и у подавляющего большинства разведчиков, производным от фамилии, поэтому чаще использовал в радиопереговорах какой-нибудь номерной позывной.

– Есть. Вас понял, – ответил он и, спрятав рацию обратно в нагрудный карман, скомандовал: – Группа, на место сбора бегом, марш!

Место сбора, где группу ждал десантный транспорт, находилось приметно в двух километрах от полигона. Для поврежденной ноги Чирка это было серьезное испытание. Дмитрий с опаской взглянул на него. Чирок в ответ молча кивнул: добегу, все в порядке. Когда разведчики дружно рванули под гору, он довольно резво потрусил вслед за остальными. Жила, на всякий случай, держался рядом. Молодец, соображает.

Дмитрий собирался последовать за ними, когда Глухарь резко рванул его за рукав.

– Благодарю судьбу, что Чеканов вызывает. Но с тобой я еще разберусь, имей в виду, – грозно прошептал он.

Выплюнув в лицо несостоявшемуся противнику свою угрозу, он огромными прыжками помчался вниз, сразу обогнав Чирка и Жилу и других отставших от группы разведчиков.

То, что Глухарь использовал поступивший по рации вызов начбоя¹ как предлог, чтобы избежать драки со своим замом, свидетельствовало о том, что он не утратил ясности рассудка. В то же время Глухарь отличался злопамятностью: он никогда не забывал обид и не бросал слов на ветер, поэтому к его предупреждению следовало отнестись всерьез.

Дмитрий озабоченно вздохнул. Нет, не так, совсем не так он представлял себе начало своей службы в спецназе.

* * *

Говорить ни с кем не хотелось, особенно с Глухарем, поэтому по дороге в часть Дмитрий закрыл глаза и притворился спящим. Полноприводный «Тигр» – российский ответ американскому «Хаммеру» – мягко покачивался на новых рессорах, и Дмитрий не заметил, как по-

¹ Начбой – начальник по боевой подготовке (арм. сленг).

настоящему задремал. Он проснулся, когда машина уже въехала в часть и остановилась возле штаба.

– Выходи строиться! – гремел в десантном отсеке хриплый голос Глухаря.

Поднявшиеся с сидений разведчики нехотя потянулись к выходу. Боевой задор прошел. К тому же все здорово вымотались во время учебного боя, поэтому после выдавшегося, но такого короткого отдыха никому не хотелось покидать насиженных мест.

На отдельном плацу перед штабом нетерпеливо прохаживался подполковник Чеканов, недавно назначенный начбоем бригады. Увидев старшего начальника, встречающего прибывшую с тренировки группу, разведчики сноровисто построились в шеренгу. Дмитрий занял место на правом фланге, рядом с командиром. Глухарь демонстративно не замечал его, что полностью соответствовало собственному желанию Дмитрия. Когда Глухарь отдавал рапорт начальнику, Дмитрий перевел взгляд на Чеканова. Подполковник выслушал доклад командира разведгруппы с каменным выражением лица. Дмитрий даже решил, что он в курсе допущенной Глухарем тактической ошибки. Но когда Чеканов гаркнул во все горло:

– Товарищи разведчики, поздравляю вас с успешным выполнением поставленной боевой задачи! – Его надежда на справедливую оценку командира растаяла, как дым.

– Ура! – отозвались хором полдюжины молодых глоток.

Дмитрий поморщился. Ошибка одного командира и небрежность другого, допущенные во время учений, в реальном бою могут обернуться гибелью людей. Особенно если оставить их без внимания и анализа. «Поддам рапорт командиру бригады, – решил Дмитрий. – Плевать, что Глухарь смотрит волком. Если когда-нибудь в реальном бою он подставит парней под пули, я себе этого никогда не прощу. Нет, сначала Чеканову, ведь это он отвечает за боевую подготовку».

Когда прозвучала команда «Разойдись», Дмитрий направился в казарму с твердым намерением сесть за составление рапорта, но окрик Чеканова остановил его.

– Рогожин, ко мне!

Хотя слова Чеканова слышали многие, никто из разведчиков даже не обернулся. Предстоящий ужин, баня, если повезет, и долгожданный отдых волновали их гораздо больше, чем беседа начбоя с младшим командиром. Зато Глухарь изменился в лице, что немедленно с удовлетворением отметил Дмитрий, хотя и сам не представлял, зачем понадобился начбою.

– Идите за мной, – приказал Чеканов, когда Дмитрий подошел к нему с докладом, и первым направился к штабу.

Глухаря он не отпустил, из чего следовало, что последний приказ в равной степени относится к ним обоим. Интрига только сильнее закрутилась.

В собственном кабинете демонстрируемые на плацу требовательность и уверенность в себе внезапно оставили Чеканова. Он зачем-то выдвинул ящик письменного стола, словно хотел убедиться в сохранности его содержимого, потом задвинул его на место и, не предлагая вызванным офицерам присесть, спросил:

– Как показали себя бойцы во время тренировки?

– Все действовали слаженно и решительно, – тут же ответил Глухарев.

Дмитрий снова поморщился, и его гримаса не осталась незамеченной Чекановым.

– У вас, Рогожин, другое мнение?

Сейчас или никогда! Дмитрий набрал полную грудь воздуха.

– Да, товарищ подполковник. Старший лейтенант Глухарев, недооценив противника, ошибочно выбрал маршрут выдвижения при штурме высоты. В результате чего едва не погубил всю группу.

Глухарь встретил это заявление презрительной усмешкой и, когда Чеканов перевел на него недоуменный взгляд, сказал:

– Товарищ подполковник, группа выполнила поставленную боевую задачу с минимальными потерями.

А Рогожина бесит, что потери понес именно его передовой дозор. Вот он и выдумывает невесть что.

– Я ничего не выдумываю, а докладываю о том, что было! – вскипел Дмитрий. – Ты использовал для выдвижения группы противотанковый ров, где даже мало-мальски знакомый с оперативной тактикой командир догадался бы организовать засаду.

– Отставить, Рогожин! – прикрикнул на него Чеканов. – Я еще не давал вам слова... Как я понимаю, засады не было? – обратился он к Глухарю.

– Никак нет, товарищ подполковник! – молодежато отозвался тот.

– Это потому, что в роли террористов выступали бойцы противотанкового взвода, незнакомые с тактикой партизанской борьбы, – отрезал Дмитрий.

Его несдержанность окончательно вывела из себя Чеканова. Он грозно взглянул на Дмитрия. После такого взгляда должен был последовать выговор, а то и более серьезное взыскание – даже среди не отличающихся мягкотелостью командиров бригады подполковник Чеканов выделялся своим крутым нравом. Но на этот раз он отчего-то не проявил свою обычную суровость, а всего лишь назидательно сказал:

– Раз поставленная группе учебно-боевая задача выполнена, значит, действия командира были верными. А вы, Рогожин, если не согласны с его решением, можете обсудить его на тактических занятиях. Позже...

Чеканов снова полез в свой стол, и Дмитрий перевел взгляд на довольную физиономию Глухаря, поэтому смысл следующей фразы начбоя дошел до него с опозданием.

– Ваша группа временно командирится в воинскую часть номер... 7963, – прочел Чеканов по бумажке. – У вас есть два часа, чтобы привести себя в порядок. Через два часа за вами придет машина.

Глухарь, видимо, тоже не сразу понял, о чем идет речь. Чеканов даже вынужден был спросить:

– Приказ ясен?

– Так точно, ясен! – поспешно ответил Глухарев. Хотя на его лице Дмитрий никакой внимательности не заметил.

На плацу, возле штаба, Глухарь догнал его и озабоченно спросил:

– 7963, что за часть? Знаешь? Судя по номеру, вроде наша, гереушная.

Дмитрий пожал плечами:

– Вряд ли. Если бы Чеканов знал ее, то не заглядывал каждый раз в стол, чтобы уточнить номер.

– Много ты понимаешь, – хмыкнул Глухарь, чтобы оставить за собой последнее слово, и, обогнав Дмитрия, широкими шагами направился к казарме.

Через два часа вымывшиеся в бане и сменившие пропитавшиеся потом и пороховым дымом десантные комбинезоны разведчики снова стояли перед штабом. Почти все были хмурыми. Даже любитель розыгрышей Чирок настороженно косил глазами по сторонам. Какого-либо восторга от внезапно свалившейся на них командировки никто из солдат не испытывал. Зато всеми владело напряженное любопытство. Это чувство усиливалось при виде незнакомого белого микроавтобуса марки «Мерседес», который стоял неподалеку. Совершенно невоенный цвет микроавтобуса, как и его гражданские номера, только добавляли вопросов. Потому что каждому разведчику было понятно, что гражданская машина никак не могла оказаться на территории расположения отдельной бригады ГРУ специального назначения. Ответы на возникшие у всех вопросы могли дать начбой бригады подполковник Чеканов или направившийся в штаб старлей Глухарев, но и тот и другой отчего-то задерживались.

Спустя почти тридцать минут ожидания они наконец появились на пороге штаба. Причем помимо Глухаря Чеканова сопровождал незнакомый коренастый майор. Он был в точно таком же десантном комбинезоне, какие носили все офицеры бригады, и знаки различия на комбинезоне были те же: крылышки и парашют – известная всем эмблема ВДВ. Тем не менее майор чем-то неуловимо отличался и от Чеканова, и от Глухаря, и от всех прочих спецназовцев. Когда он вышел на плац и встал рядом с Чекановым, справа от него (место слева занял Глухарь), Дмитрий догадался, что именно с майором не так. Его десантный комбинезон был абсолютно новым. Ткань даже не успела истереться на складках, да и самих складок тоже не было. Они попросту не успели образоваться. В то же время майор не был опереточным болванчиком, напялившим на себя военную форму. По мягкой, пружинящей походке, широким запястьям, приглушенному и в то же время очень внимательному взгляду Дмитрий сразу определил в нем опытного бойца, хотя майор всем своим видом и поведением старался это скрывать.

– Товарищи разведчики, – начал Чеканов, окинув взглядом выстроившуюся в шеренгу разведгруппу. Дмитрий заметил, что начбой держится совсем не так уверенно, как на предыдущем построении, когда разведгруппа вернулась с тренировки. – Вам доверена высокая честь...

Стоящий рядом с ним майор негромко кашлянул или прочистил горло, и Чеканов сразу оборвал свою вступительную речь.

– Вы все временно откомандированы в другую воинскую часть, – он покосился на майора, словно искал у него поддержки или одобрения. Однако незнакомец никак не прореагировал на его молчаливый призыв.

По шеренге разведчиков прокатился еле слышный ропот изумления, а Чеканов уже повернулся к Глухареву:

– Командуйте, старший лейтенант.

Глухарь выступил вперед.

– Группа! Напра-во! За мной к машине шагом... марш!

Единственной машиной на плацу был белый микроавтобус «Мерседес», и Глухарь направился именно к нему. Окончательно сбитые с толку разведчики двинулись следом. Несколько секунд спустя к ним присоединился и незнакомый майор. Как успел заметить Дмитрий, прежде чем нырнуть в уютный пассажирский салон, майор даже не попрощался с Чекановым: молча козырнул ему и зашагал к микроавтобусу. Проконтролировав, что все разведчики погрузились в машину, он захлопнул за ними широкую сдвижную дверь и уселся в кабину на пассажирское сиденье рядом с водителем. В том, что в машине находится еще один человек, Дмитрий убедился, только оказавшись внутри. Правда, пассажирский отсек отделяло от кабины толстое затонированное стекло, поэтому можно было видеть только силуэты сидящих впереди. К тому же, как подозревал Дмитрий, стекло также обеспечивало звукоизоляцию пассажирского отсека. Большого смысла в этом не было, так как майор наверняка не стал бы отвечать на волнующие всех вопросы. Но неизвестность вкупе с изоляцией в замкнутом отсеке неприятно давила на психику. Дмитрию стало не по себе. Судя по лицам остальных бойцов, они тоже чувствовали себя не лучшим образом.

Под капотом микроавтобуса завелся еле слышный двигатель, и машина плавно тронулась с места.

– Чувствуете, как мягко идет? – пробуя на ощупь упругость сиденья, заметил Гирия. – Это вам не наши бэтээры да «Тигры».

– Мя-ягко, – развязно отозвался Мосел. – Сейчас пустят внутрь газ, и кранты всем нам! Отсюда ведь даже не выбраться. – Он указал на единственную дверь, с внутренней стороны которой отсутствовала запорная ручка.

– Не болтай чепуху! – огрызнулся Глухарь, грозно сверкнув на Мосла глазами, и тот сразу же замолчал.

Зато другие бойцы набросились на Глухаря с вопросами.

– А куда нас везут? – спросил кто-то у Дмитрия за спиной.

– Слышь, Глухарь, а это кто такие? – Фагот кивнул головой в сторону забранной толстым стеклом кабины.

– Известно хоть, что за задание? – обернулся к командиру Жила.

– Чего делать-то будем? – поддержал приятеля Чирок.

– На месте все узнаете, – насупился Глухарь. По его лицу Дмитрий понял, что тот и сам ничего не знает.

– Куда хоть едем-то, можешь сказать? – не унимался Чирок.

Но Глухарь не знал даже этого. Он отвернулся и демонстративно уставился в окно. За окнами микроавтобуса мелькал разномастный подмосковный пейзаж. Густые рои сменялись видами дач и огородов. На берегах искусственных озер и в других живописных местах за посадками мелькали крыши возведенных коттеджей. Но вскоре окрестности дороги растворились в сгущающихся вечерних сумерках. Водителидвигающихся по трассе машин включили дальний свет. Судя по возросшему количеству встречных фар, микроавтобус приближался к Москве. Это ровным счетом ничего не значило. Во все предыдущие командировки группа отправлялась с подмосковных военных аэродромов. Правда, все прошлые вылеты осуществлялись в составе подразделения от роты до батальона, да и для переброски на аэродром использовался исключительно армейский транспорт. Сейчас же все было по-другому. И это настораживало.

– Похоже, выехали на МКАД, – неуверенно сказал Гирия.

Дмитрий заметил это еще несколько минут назад, однако предпочел промолчать, так как понятия не имел о конечной точке маршрута. Но и по МКАДу микроавтобус ехал недолго. На ближайшей же дорожной развязке водитель свернул в сторону города. Теперь вдоль дороги тянулась какая-то промышленная зона с тяжелой техникой и башенными кранами, за которой вдали виднелись высотные здания. Когда закончилась стройплощадка, дорога сразу расширилась. Дмитрий прильнул к стеклу, стараясь разглядеть на фасадах домов название проспекта, но водитель держал слишком высокую скорость, и редкие освещенные таблички мелькали перед глазами. Потом последовал резкий поворот, за ним еще один. Водитель микроавтобуса почти не снижал скорости, из чего Дмитрий сделал вывод, что ему часто приходится ездить по этой дороге. А еще через несколько минут машина остановилась перед глухими железными воротами. Минуту или около того ничего не происходило. Потом к привычному шуму двигателя добавился глухой металлический лязг, и закрывающая въезд стальная плита под действием сервоприводов отъехала в сторону. Микроавтобус вновь тронулся с места и медленно въехал в чисто выметенный квадратный двор-колодец, окруженный со всех четырех сторон слабо различимыми в темноте многоэтажными зданиями.

– Что-то я таких частей не видел, – дрогнувшим голосом заметил Мосел.

На этот раз никто, даже Глухарь, не решился ему возразить.

* * *

Когда открылась дверь пассажирского отсека, Дмитрий увидел перед машиной не сопровождавшего их в пути молчаливого майора, а стройную молодую женщину в военной форме майора медицинской службы. Она смотрела на изумленно уставившихся на нее разведчиков и приветливо улыбалась. Ее красивое лицо с большими и ясными глазами буквально светилось в темноте. В действительности такой эффект создавал падающий на женщину свет освещенных окон, но Дмитрий все равно не смог побороть охватившего его внезапного наваждения. Срочная командировка, сопровождающий группу таинственный неразговорчивый майор, спешный выезд и езда под покровом ночи, мрачный двор-колодец – все это подготовило Дмитрия совсем к другому приему и другой встрече. Отличие между ожидаемым и реальным ока-

залось настолько разительным, что Дмитрий даже растерялся от неожиданности. Женщина, похоже, тоже.

– Что же вы? Выходите, – поторопила она замешкавшихся разведчиков.

У нее оказался очень приятный мелодичный голос. Дмитрий так бы и слушал ее. Он первым выпрыгнул из машины и, еще не сообразив, как следует обращаться к женщине, сказал первое, что пришло в голову:

– Здравствуйте.

– Добрый вечер. Вернее, уже доброй ночи, – ответила она.

Ее растерянность прошла, а вот улыбка стала еще шире. Дмитрий подумал, что встреча с ней – самый приятный момент за весь день.

– Можете называть меня Ольга Максимовна или товарищ майор, как вам больше нравится, – объявила прекрасная незнакомка, когда все разведчики выбрались из машины и столпились перед ней, с любопытством оглядываясь. Впрочем, взоры большинства бойцов оказались прикованы к ее ладной подтянутой фигуре и красивым стройным ногам, виднеющимся из-под форменной юбки. – В ближайшее время нам предстоит довольно плотно поработать вместе.

В ответ на ее последнюю фразу кто-то из солдат ехидно ухмыльнулся, да еще и прищелкнул языком. Услышав этот звук, Дмитрий сердито обернулся, но так и не сумел разобрать, кто именно из группы позволил себе грязные намеки. А вот Глухарь, который в первую очередь должен был следить за поведением своих бойцов, остался равнодушен к непристойной выходке подчиненного.

Ольга (для себя Дмитрий решил, что будет называть женщину только так: отчество совершенно не шло ей, делая ее старше) ничуть не смутилась, но прежняя милая улыбка исчезла с ее лица.

– Да, именно так, – другим голосом сказала она. Дмитрий подумал, что при необходимости она может быть и требовательной, и строгой. – Вы все отобраны в качестве кандидатов для участия в программе подготовки бойцов спецназа нового поколения. Отборочное тестирование начнем завтра. А сейчас идите за мной. Я покажу, где вы будете жить.

Ничуть не сомневаясь, что ее распоряжение будет выполнено, женщина направилась к неприметной металлической двери в цокольном этаже квадратного здания, над которой тускло горела лампочка дежурного освещения. Вместо дверной ручки на двери имелся электронный замок, который Ольга открыла с помощью магнитной карты. За дверью оказался просторный тамбур, отделенный от остальных помещений еще одной дверью, только уже стеклянной, с точно таким же электронным замком. Впрочем, когда в тамбур набились все разведчики, свободного места там практически не осталось. Чирка прижали вплотную к Ольге – да он и не сопротивлялся, но после того, как Дмитрий сурово глянул на него, поспешно отодвинулся. Женщина терпеливо подождала, когда закроется внешняя дверь, после чего открыла внутреннюю. Очевидно, двери открывались только по очереди. На ряде особо важных режимных объектов Дмитрий уже сталкивался с такой системой. Правда, там она подкреплялась многочисленными постами внутренней и внешней охраны. Здесь же ничего подобного не было. Кроме Ольги, неразговорчивого майора, который сразу после приезда куда-то пропал, да силуэта водителя в кабине микроавтобуса, Дмитрий вообще не видел ни одного человека. Странное место. Правда, окинув тамбур профессиональным взглядом разведчика, он обнаружил замаскированные под датчики пожарной сигнализации глазки двух видеокамер. Впрочем, это действительно могла быть пожарная сигнализация, хотя этот факт и не исключал наличие замаскированных камер наблюдения.

За стеклянной дверью оказался расходящийся в трех направлениях коридор, каждый из рукавов которого терялся в темноте, и опять ни одного человека. Ольга повернула направо, прямо во тьму. Дмитрий поискал глазами выключатель, но не нашел его – на обозримом рас-

стоянии стены были абсолютно гладкими. Однако Ольга уверенно шла по коридору. Стоило ей приблизиться к границе темноты, как впереди зажегся яркий свет. Очевидно, сработал датчик движения, и под потолком зажглись яркие лампы. Электронные замки, двери, открывающиеся с помощью магнитного ключа, лампы, зажигающиеся без помощи человека – похоже, в этом странном здании все было автоматизировано.

Дмитрий быстро догнал Ольгу. Та как раз остановилась перед очередной стеклянной дверью. Крупными буквами на ней было выведено «ИЗОЛЯТОР». На этот раз Ольга обошлась без магнитного ключа: просто толкнула дверь, и та сразу открылась, а в коридоре за дверью зажегся свет. Хотя уже знакомый Дмитрию электронный замок присутствовал и здесь, но индикаторный глазок на нем не горел. Специально отключили, подумал он, входя в освещенный коридор следом за Ольгой. Трудно было представить, что в столь автоматизированном комплексе может что-то не работать.

Убедившись, что все разведчики проследовали за ней, Ольга остановилась посреди коридора и объявила:

– Во время исследований жить будете здесь, – она указала на ряд однотипных дверей в глухой стене. – Комнаты рассчитаны на двух человек. Внутри есть все необходимое: душ, туалет. Дальше по коридору столовая, в том же крыле небольшой спортивный зал, бильярд и библиотека. Надеюсь, разместитесь с комфортом.

Несмотря на просто сказочные по армейским меркам условия, первая часть фразы насторожила Дмитрия.

– Во время исследований? – переспросил он.

– Да... – Ольга потупилась, но лишь на мгновение. – Прежде чем вы приступите к новой программе боевой подготовки, мне нужно провести ряд исследований. Ничего особенного, обычные психологические тесты. К тому же это не займет много времени: четыре-пять дней, не больше.

Она коснулась магнитной картой дверного замка, и красный индикатор на нем сменился зеленым, после чего дверь без видимых усилий со стороны Ольги распахнулась.

– Прошу. Располагайтесь.

Никто из бойцов не двинулся с места. Ольга расценила нерешительность разведчиков по-своему.

– Все номера абсолютно одинаковые.

Но и это уточнение не возымело действия. Неожиданно на помощь Ольге пришел молчавший до этого Глухарь.

– Игнатов, Жилин, ваша комната! – скомандовал он.

Таким же образом он распределил остальных бойцов. Себе соседом Глухарь выбрал Мосла. Дмитрию же досталась комната на пару с Чирком. Все это время, пока разведчики занимали указанные комнаты, Ольга молча стояла в коридоре. Прежде чем уйти, она внимательно посмотрела на Дмитрия. Он решил, что она собирается ему что-то сказать. Но она так ничего и не сказала.

* * *

Все быстрее и быстрее, ускоряя шаг, Ольга шла по коридору. Она почти бежала, а перед глазами все стояло лицо молодого лейтенанта, которого она подло и бессовестно обманула. И пусть «бессовестно» – это не совсем верно. В последний момент ее совесть все-таки попробовала взбунтоваться – лгать в глаза человеку оказывается гораздо сложнее, чем на бумаге. Но по сути, что это меняет? Она солгала. Причем не только ему одному, а всем. Всем восьмерым разведчикам: пятерым солдатам и сержантам, прапорщику и двум офицерам. «Ничего особенного, обычные психологические тесты». А до этого: «Вы все отобраны в качестве кан-

дидатов для участия в программе подготовки бойцов спецназа нового поколения». Просто удивительно, как легко далась ей та первая ложь! Наверное, потому, что никто из них тогда не заподозрил подвоха. Но позже они обязательно поймут, что она их обманывает. Если не все, то лейтенант Рогожин непременно. Несмотря на молодость, у него такой... пронизательный взгляд. И он совсем не похож на свою фотографию из личного дела. Ольга воскресила в памяти черно-белый фотоснимок. Совсем юное лицо, смешные сморщенные уши и торчащие ежиком неровно остриженные волосы. Сейчас лейтенант, как и все разведчики, был в форменном берете, поэтому Ольга не смогла рассмотреть его прическу. Но взгляд... Взгляд лейтенанта разительно переменялся. Плохо скрываемое любопытство сменили живой интерес, внимание и... настороженность. Да-да, именно настороженность! Рогожину не нравится незнакомое место, куда он попал... или он интуитивно чувствует опасность? Ольга вздохнула. Она тоже чувствовала опасность. Но все новое в науке сопряжено с риском. Особенно революционные, великие открытия. А они все сейчас на пороге великого открытия.

Пройдя через пустой тамбур, она распахнула внешнюю дверь и вышла во двор. Надо успокоиться и взять себя в руки. Ей предстоит провести психологическое тестирование отобранных кандидатов, которое займет от трех до четырех дней. Так что если подходить к ее словам строго формально, то она сказала Рогожину чистую правду. Правда, то, что предстоит разведчикам, не имеет никакого отношения к «программе подготовки бойцов спецназа нового поколения». Но кто знает, что им предстоит? Все! – оборвала Ольга саму себя. Хватит думать о работе! Ей нужно как следует выспаться и отдохнуть. Завтра начнется тестирование, и она должна быть свежей и бодрой. И самое главное – спокойной! Как и подобает врачу-психологу.

Бросив взгляд на ряд освещенных окон на третьем этаже, где располагались кабинеты руководства, Ольга нырнула в неприметную арку во внутреннем дворе, миновала КПП с угрюмым и заспанным прапорщиком, который при ее появлении, правда, приободрился и даже попытался изобразить на лице некоторое подобие улыбки, и вышла на одну из окраинных московских улиц. На автомобильной стоянке перед зданием научно-исследовательского института Минобороны, где разместился недавно сформированный специальный отдел экспериментальных исследований, стояло всего несколько автомобилей. Направляясь к своему «Пежо», Ольга с удивлением заметила строгий и высокомерный, как его хозяин, «Лэндкрузер» подполковника Феоктистова. Интересно, что делает заместитель начальника отдела на рабочем месте в столь поздний час?

Подполковнику Феоктистову было чем занять себя в это позднее время. И причина, по которой он задержался на службе сверх всех мыслимых сроков, была напрямую связана с только что покинувшей институт женщиной. Она не являлась объектом его страсти. Любовь, страсть, вожделение и другие чувства, связанные с обладанием женским телом, остались в далеком прошлом, когда Феоктистов носил еще лейтенантские погоны и даже помыслить не мог, что будет с глазу на глаз беседовать с самим министром обороны. Действительно, разве сравнится любое, даже самое жаркое любовное свидание с личной аудиенцией у всемогущего министра и его расположением. Но с некоторых пор, а именно с момента ЧП на «Хрустальном небе», отношение министра – нет, не переменялось, упаси бог! – а стало, скажем так, менее очевидным. В первую очередь это почувствовал сам Феоктистов, а за ним и прихвостни из окружающей министра многочисленной челяди, стремящиеся занять возле Самого освободившееся вакантное место его доверенного лица. Если это случится, тогда все – конец карьере и связанным с нею надеждам.

На первый взгляд, ЧП на полигоне, наоборот, должно было способствовать карьере. Панова в отставку – лучшего повода и искать не надо, его заместитель автоматически становится исполняющим обязанности начальника подразделения, потом министр подписывает соответствующий приказ, и вот уже подполковник Феоктистов полноправный руководитель

специального исследовательского отдела, считай института, со всеми вытекающими последствиями. Но вышло по-другому. Во-первых, старика Панова в отставку так и не отправили. И, похоже, что до выяснения причин ЧП и восстановления связи с «Хрустальным небом» уже не отправят. Во-вторых, вина за ЧП легла и на Феоктистова – помощник министра доверительно сообщил ему, что Сам недоволен. Значит, подсуетился кто-то из министерских холуев. Знать бы кто – своими руками придушил суку! Ну не своими и не придушил – не хватало еще о всякую мразь мараться, но уж нашел бы способ, как от подлеца избавиться. Но это потом. Сейчас нужно было исправлять положение. А как его исправишь, если даже у многоумного старика Панова ничего не получается. А тут еще вылезла эта выскочка Крайнова со своей идеей. Идея, правда, хорошая, что и говорить. Блестящая, можно сказать, идея. Теперь остается только жалеть, что он сам до нее не додумался. Враз можно было бы вернуть пошатнувшееся расположение министра. Правда, самому Панову предложение Крайновой, похоже, не очень понравилось. Понравилось, не понравилось – дело десятое. Важно, что он его принял, и утвердил, и наверх доложил. А куда старику было деваться, если, кроме него самого, заместителя да аналитика Крайновой, в отделе и специалистов не осталось. Теперь на место Панова он, Феоктистов, объективно единственная подходящая кандидатура. Правда, есть еще Крайнова...

Подполковник хрустнул пальцами и принялся раздраженно стирать со своего отполированного до зеркального блеска письменного стола воображаемое пятно. В отличие от начальника отдела он всегда содержал рабочий стол в идеальном порядке. Входящие и исходящие документы, чистая бумага, авторучки и маркеры, карандашей он не признавал, – все на своих местах. За эту аккуратность и исполнительность, и еще за внимание, его и приблизил к себе новый министр. Когда он получал назначение в специальный исследовательский отдел, помощник министра, ознакомивший его с приказом, доверительно шепнул, что когда старого начальника отдела отправят в отставку – Панову как раз вышел пенсионный срок, его, Феоктистова, министр планирует посадить в освободившееся кресло. Планирует, значит, надо оправдывать оказанное высокое доверие: быть внимательным, следить и своевременно докладывать об ошибках, результатах и планах прежнего руководства. Феоктистов все понял правильно. Он быстро разобрался, кто есть кто, в своем отделе, нашел себе преданных сторонников, которых без особого труда превратил в источники оперативной информации. Вот только с Крайновой вышла осечка.

Он в первый же день обратил внимание на старшего аналитика, которая одинаково выгодно смотрелась бы и за столом ведущего информационно-аналитической телепрограммы, и у шеста стриптизерши, отдав должное и ее красивому породистому лицу, и безупречной фигуре. Когда представился удобный случай, он интеллигентно, без всякой пошлости, но достаточно ясно намекнул, чего ждет от подчиненной. Однако Крайнова ответила резким, грубым отказом. Она вела себя так, будто является чьей-то родственницей или любовницей, или, по крайней мере, спит с Пановым. В первый момент Феоктистов именно так и подумал, однако все-таки навел о Крайновой справки. Выяснил: не родственница, не любовница и даже с начальником отдела в интимных отношениях не состоит. Так, дипломированный специалист, кандидат медицинских наук – в общем, никто. Один раз была замужем, правда, давно. Еще студенткой выскочила замуж за аспиранта-очкарика. Через несколько лет муж оставил науку, ушел в бизнес, разбогател и, как и положено, завел себе молодую любовницу. Ольга об этом узнала и подала на развод. Развелась по-тихому, без дележа имущества, судя по всему немалого. Правда, бывший супруг оставил ей однокомнатную квартиру – бросил кость, чтобы отвязалась, она и рада. С тех пор живет одна и даже не имеет постоянного любовника, непостоянного, видимо, тоже. Может, скрытая лесбиянка? Хотя непохожа. Как попала в отдел – неизвестно. Не иначе как Панов разглядел в ней аналитический дар.

Однако почитав отчеты и справки о ходе эксперимента, которые ежедневно готовила Крайнова для министра обороны, Феоктистов вынужден был признать, что они написаны

вдумчиво, толково и, главное, понятно. Она умела выделить суть происходящего и, главное, донести ее до руководства в ясной и доступной форме. К тому же она оказалась и отличным спичрайтером. Когда, замещая убитого на полигон Панова, где в результате несчастного случая вместе с группой взрывотехников погиб его сын, Феоктистов поручил Крайновой подготовить развернутый доклад о последних результатах эксперимента, она отлично справилась с поставленной задачей. Выступая с этим докладом на специальном заседании коллегии министерства, он выгодно отличался от других бубнивших по бумажке докладчиков.

Таким образом, все шло своим чередом. Панов руководил отделом и готовился передать дела своему преемнику – никаких иллюзий в отношении себя старик не испытывал. Крайнова готовила аналитические справки да следила за психофизическим состоянием экспериментаторов, для чего два-три раза в месяц моталась на «Хрустальное небо». Зам начальника отдела Феоктистов чутко держал руку на пульсе: оперативно информировал министра о ходе исследований и параллельно мысленно прикидывал, какую перестановку произведет в кабинете Панова, когда займет его место. Но произошло непредвиденное – через неделю после того, как Крайнова вернулась в институт после очередного посещения «Хрустального неба», с объектом пропала связь. И началось! Отдел враз лишился почти всех своих научных сотрудников, которые, иначе не скажешь, пропали без вести. Ни больше ни меньше. И что с ними произошло – покрыто мраком. Неудивительно, что министр недоволен. А ведь ему приходится докладывать о ситуации президенту. А ситуация за десять... Феоктистов взглянул на вмонтированные в настольный письменный прибор кварцевые часы... Уже за одиннадцать дней ничуть не прояснилась.

Подполковник озабоченно вздохнул. Раздражение министра вполне понятно, вот только ему от этого не легче. Да еще Крайнова со своей идеей использовать для разведки на «Хрустальном небе» группу армейского спецназа! Теперь ее фамилия на слуху у министра и, что еще хуже, в направляемых ему из отдела документах. Если ее идея сработает и разведчики докопаются до сути, по нынешним временам ее вполне могут назначить руководителем отдела, вместо Панова. Прецеденты уже есть. Вон сколько баб в правительстве и среди губернаторов! И то, что министр обещал это место ему, ничего не значит. Слова – это просто сотрясение воздуха. Да он бы никогда и не решился напомнить министру о его обещании. К тому же оно исходило не от самого министра, а всего лишь от его помощника.

Оторвавшись от созерцания вмонтированных в письменный прибор настольных часов, Феоктистов поднял глаза на выходящее во внутренний двор окно своего кабинета. За окном стелилась ночная темнота, как зеркальное отражение его собственных мрачных мыслей. Обиднее всего, что сделать ничего нельзя! Не будет же он, в самом деле, препятствовать плану, одобренному самим министром. Остается одно – ждать, пока Крайнова не наделает глупостей или пока не совершит ошибку, от которых, как известно, никто не застрахован.

Но Феоктистов давно уже отвык полагаться на случай – это было бы слишком расточительно. Вот почему он отправил за разведгруппой недолюбливаемого Крайновой майора Пригорова. Вот почему до глубокой ночи застрял в своем кабинете лишь для того, чтобы своими глазами увидеть отобранных разведчиков. Ничего он толком не узнал и не увидел: ни лиц, ни фигур, ни телосложения. Когда группа выгружалась из машины, во дворе было уже слишком темно. Да и пробыли разведчики у него на виду меньше минуты, Крайнова тут же увела их в медицинский изолятор. Восемь человек, среднего роста – вот и все, что он сумел разглядеть из своего окна. Разговор с Пригоровым по сути тоже ничего не дал. Майор оказался еще тем скользким типом, из которого лишнего слова не вытянешь. Как такому человеку в министерстве могли доверить оперативное прикрытие исследовательской программы? Хотя в отделе его побаиваются, и, надо полагать, не без основания.

Что ни говори, а первое впечатление об отобранных Крайновой новобранцах оказалось неполным.

ГЛАВА 2

Новобранцы

– Здравствуйте, Ольга Максимовна, – увидев в кабинете сидящую за столом женщину, Дмитрий приветливо улыбнулся.

Она, приятно удивив его, тут же встала из-за стола, вышла ему навстречу и протянула руку.

– Здравствуйте, Дмитрий. Как чувствуете себя на новом месте? Отдохнули?

У Ольги оказалась мягкая и нежная на ощупь ладонь с тонкими прохладными пальцами. Дмитрий даже испугался, что сжал ее слишком сильно, тем самым причинив женщине боль. Он тут же разжал свою руку и спрятал ее за спину.

– Отдохнул нормально. Чувствую себя хорошо, – бодро ответил Дмитрий и, вместо того чтобы на этом остановиться, зачем-то спросил: – А вы?

– Я? – озадаченно переспросила Ольга.

Она, конечно же, не ожидала с его стороны подобного вопроса. Да и он хорош: разговаривать так со старшим офицером! Сегодня, правда, Ольга была не в военной форме, а в гражданской одежде: темной юбке, нежно-розовой блузке и белом медицинском халате. Но что это меняет? От стыда Дмитрий готов был провалиться под землю. Оставалось только благодарить судьбу, что они находятся в кабинете одни.

– Спасибо. Со мной все в порядке, – медленно ответила Ольга, после чего поспешила вернуться на свое место.

– Раз уж нам предстоит какое-то время работать вместе, давайте познакомимся поближе. Присаживайтесь, – предложила она и указала на мягкий стул за приставным столом.

Дмитрий послушно сел. Сиденье и спинка стула как будто специально были сделаны по его фигуре. Таких удобных стульев он не встречал ни в кабинете командира бригады, где был единственный раз, когда представлялся по прибытии в часть, ни в окружном военном госпитале, где лечился после полученного ранения. Добавь подлокотники, и получится отличное кресло для релаксации. Наверное, стул специально подобран с таким расчетом, чтобы расслаблять собеседника. С другой стороны, зачем Ольге в разговоре с ним использовать какие-то ухищрения?

– Как я уже сказала, меня зовут Ольга Максимовна, – повторно представилась она. – Фамилия Крайнова. По специальности я врач-психолог, хотя и работаю не в медицинском учреждении, а в исследовательском институте.

– А тот молчаливый майор, который привез нас сюда, он тоже врач? – поинтересовался Дмитрий.

– Приговор? – удивилась Ольга и покачала головой: – Нет, он из другого ведомства, – хмуро добавила она.

Дмитрий сразу понял, что она не хочет продолжать эту тему. Да и зачем им обсуждать какого-то неизвестного ему Пригорова? Разве больше не о чем поговорить?

– А чем занимается ваш исследовательский институт?

– Чем? – переспросила Ольга.

До сих пор она говорила правду. Но на этом правда заканчивалась. Далее нужно было лгать. Лгать, несмотря на то что сидящий напротив молодой человек был ей симпатичен. При чем делать это так, чтобы он не обнаружил и даже не заподозрил обмана.

Ольга сделала незаметный вдох и начала:

– Мы исследуем возможности человеческого организма с целью разработки и создания методик подготовки бойцов спецподразделений, максимально отвечающих условиям и требованиям современных и будущих войн.

– Суперсолдат? – переспросил Дмитрий, удивившись собственной наглости. Не иначе как этот сегодняшний неофициальный, сугубо гражданский наряд сидящей напротив женщины так на него подействовал.

– Да, – не стала возражать она. – Можно сказать и так. Война будущего – это прежде всего борьба высоких технологий. Она будет вестись с применением высокоточного оружия, беспилотных летательных аппаратов, систем спутниковой навигации и космической связи. Но, несмотря на обилие компьютерной техники, она не обойдется без солдата с его личным оружием. Правда, это будет уже другое оружие, а сам обычный солдат превратится в оператора технических средств.

Дмитрий улыбнулся.

– Боюсь, то, о чем вы говорите, дело далекого будущего. У нас в армии вон уже сколько лет не могут новую форму ввести. Смешно сказать: кирзовые сапоги на берцы еще далеко не во всех частях заменили. Берцы – это такие ботинки на высокой шнуровке. А вы говорите: спутниковые навигаторы.

Он сказал все это с иронией, но сидящая напротив него женщина и не думала смеяться. Напротив, она опустила глаза и сказала:

– Я знаю, что такое берцы. Как и то, что внедрение в армию новых систем вооружения, средств связи и даже обычного солдатского снаряжения идет крайне медленно. Тем не менее, чтобы избежать напрасных потерь, надо готовиться не к прошлой, а к будущей войне. А она будет именно такой, как я сказала. Этим и занимается наш институт.

– Да, конечно! Я все понимаю! – воскликнул Дмитрий. Он тоже стал серьезен. – Только я не совсем понимаю, как я или мои товарищи могу вам в этом помочь.

– Мы предлагаем вам пройти курс боевой подготовки по разработанной в нашем институте экспериментальной программе, – сказала Ольга.

Ну вот, она это произнесла. Кажется, все выглядело убедительно. Во всяком случае, парень не заподозрил фальши. Сейчас не заподозрил, а потом? А потом – как получится. Если у него вообще будет время на размышления.

Ольга вздохнула.

– Что вы на это скажете, Дмитрий?

Ее немного взволнованный голос и особенно это обращение, не уставное «товарищ лейтенант», а «Дмитрий», прозвучали, как хрустальный колокольчик.

– Тут и думать нечего! Я согласен! – воскликнул он. – Это даже интересно.

Ольга прикусила губу: интересно ему. Когда она впервые попала на «Хрустальное небо», ей тоже было интересно. И Панову, и его заместителю по научной части Макарову, назначенному комендантом объекта, и непосредственному руководителю эксперимента Глымову, и еще двадцати шести экспериментаторам – им всем тоже было интересно, пока не грянул гром...

– Скажите, Ольга Максимовна, а в чем заключается эта ваша экспериментальная программа? – вернул ее к реальности голос лейтенанта.

Ольга заставила себя поднять на него глаза, хотя это было непросто.

– Не волнуйтесь, Дмитрий. Никто не собирается пичкать вас таблетками и другого рода стимуляторами. Наша программа – это специальный комплекс упражнений и тренировок. Считайте, что вы находитесь в тренировочном лагере.

Дмитрий обвел взглядом кабинет: выкрашенные светло-бежевой краской стены, оконный стеклопакет с вертикальными жалюзи, покрытый ламинатом пол, два стола, блестящий хромированный сейф в углу, больше похожий на подарочную шкатулку, несколько стульев и книжный шкаф с дверцами из дымчатого стекла.

– Не очень-то похоже на тренировочный лагерь.

Ольга сначала нахмурилась, а потом, когда поняла его, улыбнулась.

– Все будет: и оружейный склад, и тир, и даже испытательный полигон... – Она сделала долгую выразительную паузу, а может, просто о чем-то задумалась. – Но позже. А сейчас давайте поговорим о вас.

– Давайте, – легко согласился Дмитрий. – Мне скрывать нечего. Что вас интересует?

– Для начала скажите, почему вы решили поступать в училище воздушно-десантных войск? Почему вообще выбрали военную службу?

Дмитрий усмехнулся.

– Книжек начитался. Вот и захотелось себя проверить: чего я могу и чего стою. Хотя... вон младший брат Леха книг не меньше моего прочитал, а выбрал сугубо мирную профессию: поступил на филфак, сейчас учится на втором курсе.

– Ну и как, проверили?

– Проверил, – коротко ответил Дмитрий.

Но Ольга, видимо, не поняла, что он не хочет продолжать эту тему, и задала следующий вопрос:

– После полученного ранения не было мысли уволиться на гражданку?

– И что бы я там делал?! – вскинулся Дмитрий. – Добивался инвалидности да льгот, положенных участнику боевых действий?! Только я в бою так ни разу и не был, не успел. А на Кавказе провел всего один день, да и то большую часть дня без сознания... Утром сошли с поезда, а вечером меня вместе с другими тяжелоранеными транспортным бортом уже отправили в Москву.

Дмитрий замолчал, давая понять, что к сказанному ему больше нечего добавить, но упрямая память, не спросив разрешения, вновь забросила его в тот роковой день, когда он первый и единственный раз оказался на Северном Кавказе.

* * *

Поезд прибыл в Назрань рано утром. Ближние к вокзалу пути были заняты составами, поэтому воинский эшелон подали под разгрузку на дальний запасной путь. Здесь не было платформы, и выгрузка происходила прямо на рельсы. У вагонов сразу возникла суeta, и Дмитрий битых полчаса пытался найти встречающего его команду офицера комендатуры. Никто их, естественно, не встречал, о чем можно было сразу догадаться. Но ему повезло – командир взвода саперов, долговязый, жилистый старлей, согласился подвезти своего брата-лейтеху вместе с четырьмя его бойцами до комендатуры. В просторном кузове «Урала» как раз нашлось место еще для четверых солдат, а Дмитрия сапер-старлей пригласил к себе в кабину. Всю дорогу он смачно, со всеми подробностями рассказывал о службе на Кавказе и о душманских ловушках (он почему-то всех боевиков называл душманами), которые его солдатам приходилось обезвреживать. Дмитрий с интересом слушал нового знакомого, а сам с не меньшим интересом смотрел в окно на людей и столицу республики, в которой ему предстояло служить ближайшие несколько месяцев. Назрань оставила у него двойное впечатление. При виде множества людей на улицах, открытых окон и дверей многочисленных кафе и магазинов, лотков торговцев с обилием зелени, крупных бордовых помидоров, домашнего творога и сыра можно было подумать, что город живет нормальной мирной жизнью. Однако то и дело попадающиеся навстречу бэтээры и армейские грузовики опровергали это предположение. Да и рассказ сапера-старлея, за два месяца потерявшего в своем взводе трех человек, подорвавшихся на бандитских минах, красноречиво свидетельствовал, что Северный Кавказ еще далек от мирной жизни.

Вид окруженной бетонными блоками и шлагбаумами военной комендатуры окончательно убедил его в этом. На блокпосту, перед комендатурой, Дмитрий вылез из машины, хотя

словоохотливый старлей убежденно заявил, что этого можно и не делать, забрал своих бойцов и, как и положено, предъявил постовому командировочное предписание. Пока тот изучал документ, сличая фамилию в поданном Дмитрием вместе с предписанием офицерском удостоверении, грузовик с саперами беспрепятственно проехал под поднятым шлагбаумом и остановился возле комендатуры, где уже стояло несколько армейских автомобилей. Командир взвода скрылся внутри здания, саперы остались в машине. Возле комендатуры сновали люди – входные двери практически не закрывались, причем армейцев, милиционеров и гражданских было примерно поровну. Дмитрий живо представил, какое столпотворение должно твориться внутри, и велел своим бойцам дожидаться снаружи. На поиски дежурного офицера разведотдела у него ушел еще примерно час, но в конце концов он вышел на огороженную бетонными блоками площадь перед комендатурой с отметкой коменданта на командировочном предписании и подробным разъяснением, как добраться в указанную часть. За это время выручивший его старлей со своим взводом уже уехал – на месте «Урала» саперов теперь стоял милицейский «уазик». Еще один такой же «уазик» остановился перед перегораживающим въезд шлагбаумом. Дмитрий махнул рукой ожидающим его бойцам, которые за время ожидания порядком разомлели от полуденной жары, и направился в сторону блокпоста.

У дежурной смены там вышла какая-то заминка. Несмотря на то что один постовой уже поднял уравновешенную приваренным куском железнодорожного рельса стальную трубу шлагбаума, второй продолжал о чем-то переговариваться через приспущенное стекло с сидящим за рулем «УАЗа» милицейским водителем. Дмитрий скользнул взглядом по притормозившему «уазику» и брезгливо поморщился. Ни в Москве, ни в Рязани он не встречал таких «убитых», по-другому не скажешь, милицейских автомобилей. Краска во многих местах облупилась, изношенные рессоры прогнулись, хотя, кроме водителя, в кабине больше никто не сидел. С другой стороны, может быть, ингушским милиционерам не хватает новых машин, вот и ездят на чем придется. Хотя... Дмитрий обернулся на милицейский автофургон, который стоял возле здания комендатуры. Тот смотрелся куда лучше. А подъехавший к блокпосту «уазик» выглядел так, будто только что вырвался из-под обстрела. Нет, не только что... неловко зашпаклеванные пулевые пробоины в водительской двери и переднем крыле покрылись слоем дорожной пыли. Передний номер, кстати, тоже был забрызган грязью. Неужели водителю самому не стыдно ездить на таком автомобиле? Дмитрий взглянул в напряженное лицо водителя, который даже не повернул головы к постовому, а смотрел прямо перед собой. И этот устремленный в одну точку отсутствующий взгляд, и особенно побелевшие от усилия костяшки пальцев левой руки, которой водитель вцепился в баранку, царапнули по сердцу Дмитрия. Опережающим сознанием он понял, что произойдет в следующую секунду. И это действительно произошло.

Стоящий у машины постовой через приоткрытое окно зачем-то просунул руку в кабину. То ли хотел забрать у водителя документы, то ли ухватить того за ворот нескладно сидящей на нем милицейской куртки, то ли выдернуть ключи из замка зажигания, но не успел ни того, ни другого, ни третьего. Водитель, напоминая до этого момента замершую рыбу, и не просто рыбу, а застывшую в засаде щуку, нажал на газ и с истошным криком:

– Аллах Акбар!!! – бросил машину вперед.

Сила инерции ударила постового о борт машины, протащила за ней несколько метров, а затем отбросила в сторону. Его рука переломилась, словно сухая ветка – Дмитрию даже показалось, что он слышит хруст переламываемой кости и треск рвущихся сухожилий. Искалеченный постовой упал на асфальт возле одного из бетонных блоков, которые должны были препятствовать бесконтрольному проезду машин к городской комендатуре, но совершенно бесполезному в данном случае, и тоже дико закричал, но это был крик пронзившей тело невыносимой боли. Никакого сопротивления террористу он оказать не мог. Его напарник выглядел не лучше. Вместо того чтобы сорвать с плеча автомат и открыть огонь по прорвавшейся

через блокпост машине, он вытаращил глаза и двумя руками вцепился в поднятый шлагбаум. Отчаянно лавируя между неровно расставленными на площади бетонными плитами, террорист-смертник на своем автомобиле мчался к комендатуре, до которой оставалось менее ста метров. В тот момент, когда он нажал педаль газа, он перестал быть человеком и превратился в детонатор, соединенный электрическим проводом с несколькими десятками килограммов взрывчатки, загруженных в кабину «УАЗа». В своей голове Дмитрий даже увидел змеящийся черный шнур, тянущийся от правой руки террориста к тесно уложенным брикетам пластита за его спиной. Через несколько секунд смертник врежется в припаркованные возле здания машины и бурлящую перед входом толпу, которые в то же мгновение исчезнут в пламени взрыва.

Опасно вихляющую машину, наконец, заметили. Кто-то закричал, отдавая совершенно бессмысленные команды, кто-то резко распахнул выходящее на площадь окно, кто-то бросился к своему автомобилю, кто-то потянулся за оружием, но большинство просто замерли с вытянувшимися от страха лицами, как напарник сбитого террористом постового. Последней преградой на пути террориста стала только что прибывшая в Назрань команда Дмитрия: четверо безоружных солдат и он сам со своим табельным «макаровым». Думать стало некогда. Дмитрий и не думал. Глядя в перекошенное злобой и ненавистью лицо сидящего за рулем боевика, он бросил руку к поясной кобуре, умудрился одним движением расстегнуть тугой клапан и выхватить пистолет, чего на тренировках почти никогда не удавалось – очевидно, сказался мощный выброс адреналина. Ребристая рукоятка жестко легла в ладонь. Не целясь, на это уже не оставалось времени, Дмитрий ткнул стволом в надвигающееся на него оскаленное лицо и нажал на спуск: раз, другой, третий... Выстрелов не было – он их не слышал. Но движущаяся затворная рама исправно выбрасывала дымящиеся гильзы. Ствол пистолета тоже окутался дымом и пламенем, а в лобовом стекле приближающегося «УАЗа» появились ошестинившиеся лучами-трещинами сквозные отверстия. Одновременно с третьей пробойной в стекло брызнуло красным.

Голова террориста резко дернулась вправо, а следом за ней и все его тело стало заваливаться на бок. За забрызганным кровью лобовым стеклом Дмитрий разглядел только движение черной тени. Тень нырнула вниз, стараясь укрыться за приборным щитком, но он продолжал посылать в нее пулю за пулей. С последним выстрелом лобовое стекло не выдержало и, разлетевшись на осколки, осыпалось в кабину. Дмитрий увидел, что за рулем несущийся на него машины никого нет, но не успел этому удивиться. Неуправляемый «УАЗ» вильнул в сторону, накренился, зацепив Дмитрия, подбросил его над землей, после чего опрокинулся набок и, по инерции проскрежетав по асфальту несколько метров, словно издыхающий смертельно раненный зверь, наконец остановился. Откуда-то с высоты Дмитрий увидел свое раскинувшееся неподвижное тело, а рядом с ним опрокинувшийся автомобиль террориста, который вот-вот должен был полыхнуть ослепительно-яркой огненной вспышкой. Но последнего так и не произошло. Вместо этого вдруг наступила непроглядная темнота.

* * *

– Дима, что с вами?! Вы меня слышите?

Сквозь багровый туман проступило озабоченное лицо Ольги. Однако уже в следующую секунду туман рассеялся. Да его и не было. А был уютный кабинет, мягкий стул и красивая женщина, сидящая напротив, с милой и приветливой улыбкой. Правда, сейчас она не улыбалась, а смотрела на Дмитрия с новым, незнакомым ему выражением растерянности и удивления.

Он виновато потупился.

– Простите, я немного задумался.

– Да, немного.

Ольга неожиданно повеселела. Во всяком случае, от ее растерянности не осталось и следа. Она зашелестела бумагами, быстро перебирая страницы, хотя, когда Дмитрий вошел в кабинет, на ее столе, кажется, не было никаких документов. Откуда же они взялись?

– Мы отвлеклись. – Ольга сначала искоса взглянула на него, потом подняла голову. – Скажите, Дмитрий, вот у вас в группе у всех есть... прозвища. Зачем они нужны?

– Не прозвища, псевдонимы, – поправил ее Дмитрий. – Они используются для радиосвязи, как позывные. Опять же команды становятся короче, да и понятнее.

– Ясно, – Ольга кивнула, но у Дмитрия сложилось впечатление, что ничего нового он ей не открыл. – А кто их придумывает, вы сами?

Дмитрий пожал плечами:

– Когда как. В основном, псевдонимы – это производные от фамилий. Глухарев – Глухарь, Чирков – Чирок, Жилин – Жила.

– Почему же тогда у Кожевникова псевдоним Фагот? – спросила Ольга. – Или он до армии занимался музыкой?

Дмитрий остро глянул на нее. Псевдонимы в личных делах не прописаны. Откуда же она узнала?! Хотя, она уже побеседовала с Глухарем. Может, от него.

– Да нет, не в этом дело, – начал объяснять Дмитрий, но, представив здоровяка Кожевникова с фаготом в руках, не удержался и хмыкнул. – Тут дело в другом. Так называется переносной противотанковый ракетный комплекс: ПТУР «Фагот». Слышали? Так вот, до перевода к нам в бригаду Кожевников служил стрелком-наводчиком этого комплекса.

– Понятно, – Ольга кивнула. – А почему вас в группе называют Чугун? Это тоже как-то связано с прошлым?

Дмитрий перестал улыбаться. Видимо, сегодня такой день, что ему приходится ворошить свою память.

– У меня в голове титановая пластина и три металлические скобки, – тихо сказал он. – Год назад в Назрани неудачно попал под машину. Несколько месяцев провалялся в госпиталях, потом еще столько же добивался восстановления на службе.

Ольга округлила глаза от удивления. Она читала в личном деле Рогожина о полученном им ранении, но мельком, не заострив на этом внимания. Она и представить не могла, что оно было таким серьезным.

– Как же вы... служите?

– Окружной врачебной комиссией признан годным к службе без ограничений, – хмуро ответил Дмитрий.

В действительности врачебных комиссий было три. И заключение первых двух было однозначным: уволить с действительной военной службы по состоянию здоровья! После того как хирурги по кускам собрали его расколотый череп, скрепив их с помощью скоб и металлической пластины, такой вывод напрашивался сам собой. Но Дмитрий нашел в себе силы, чтобы сопротивляться полученной травме, мнению врачей, собственному отчаянию – всему, и, главное, поверил в себя.

Помог случай, providение, а может быть, и вмешательство высших сил. Окружной военный госпиталь, где лежал Дмитрий, посетил настоятель расположенного по соседству православного храма отец Николай. В отличие от предыдущих посещений представителей областной администрации и командования военным округом, это не был формальный визит. Пожилой священник не просто прошел по палатам, а поговорил с каждым раненым. Остановился он и у койки Дмитрия. Вся беседа продолжалась недолго, немногим более пяти минут, но за это время Дмитрий почувствовал себя совершенно по-другому. Одолевавшая его тоска по рухнувшим надеждам, которым положила конец полученная травма, куда-то испарилась. Вместо нее пришло понимание, что все в жизни можно исправить. Нужно только поверить в себя, дове-

риться своей совестью, как советовал отец Николай, и не опускать рук, иначе говоря, не сдаваться. Встреча со священником стала определяющей. С того дня Дмитрий начал вдумчиво и осознанно молиться. Сначала мысленно, а потом шепотом вслух, глядя на увенчанный крестом купол храма, который был виден из окна госпитальной палаты. Выписавшись из госпиталя, он первым делом пришел в храм. Там как раз началась служба, которую вел отец Николай, и Дмитрий отстоял ее до конца, с удивлением для себя отмечая, как много среди молящихся молодых людей. После службы, выбрав момент, он подошел к настоятелю. Пожилой священник узнал молодого офицера, с которым беседовал в госпитале. Они еще раз тепло поговорили, и в конце беседы отец Николай благословил Дмитрия на ратный труд. Вот тогда он окончательно поверил в себя. Поверил так сильно, что сумел заразить своей верой членов окружной военно-врачебной комиссии, которые, как и их коллеги, поначалу собирались вынести отрицательный вердикт, на этот раз уже окончательный. Но случилось чудо, как выразился председатель комиссии, плотный округлый полковник с седым ежиком волос. Когда Дмитрий положил перед ним результаты своих последних медицинских анализов, находящихся в пределах нормы, а по многим показателям, таким, как устойчивость к перегрузкам, превышающим уровень среднестатистического здорового человека, полковник только развел своими пухлыми ручками: «Ну раз так, молодой человек, отправляйтесь служить». Да еще добавил то ли с иронией, то ли всерьез: «Такие крепкие парни нашей армии нужны».

Никто из членов комиссии не догадывался, что основанием для произошедшего чуда стали усердная работа Дмитрия над собой и его не менее усердные молитвы...

– Значит, Чугун... это от имплантированной пластины? – уточнила Ольга спустя несколько секунд. Она никак не могла справиться с охватившим ее волнением и взять себя в руки. – И что, вам она совсем не мешает?

Сидящий перед ней лейтенант улыбнулся и развел руками:

– Как видите.

– А если новая травма?

– Тогда и выясним, что крепче: кость или титан, – пошутил он.

Через силу Ольга заставила себя улыбнуться, хотя на самом деле ей было совсем не весело. Бедный юноша, через что ему пришлось пройти и что выдержать! А она снова посылает его в... Куда?! Но уж точно, не на курорт.

* * *

Опутанный проводами Глухарь сидел перед большим сенсорным экраном в комнате без стекол, одновременно похожей на дисплейный класс и рентген-кабинет, и с непривычным для него волнением ожидал начала теста.

– Удобно? Ничего не мешает? – спросила майорша, закрепив последний датчик – смоченную какой-то клейкой гадостью пластину, которую прилепила к его левому запястью.

Она стояла рядом, совсем близко – Глухарь даже чувствовал запах ее духов. Сегодня она тоже была в белом медицинском халате, но Глухарь знал, что под халатом у нее тончайшая шелковая блузка – вон и воротничок виднеется в вырезе халата, а под блузкой... Он облизал пересохшие губы. Близкое соседство майорши возбуждало и нервировало одновременно, что перед предстоящим тестом было совсем некстати.

Женщина как будто прочитала его мысли: отодвинулась и сказала:

– Не волнуйтесь. Это обычный тест, призванный определить скорость вашей реакции.

Глухарь молча кивнул, потом взглянул на свои руки. Нет, пальцы не дрожали – еще чего не хватало, но ладони вспотели. Он вытер их о штаны и тут же пожалел о своем поступке. Майорша наверняка заметила этот жест, хотя и не подает вида, сука!

Глухаря внезапно охватила злость. В обществе красивых и умных женщин он всегда чувствовал себя скованно. Это началось еще со школы, когда он тужился и потел у доски перед холеной блондинкой-англичанкой, мучительно вспоминая спряжения неправильных глаголов. Может, поэтому или по чему другому, но первые красавицы класса тоже упорно избегали Пашку Глухарева, хотя он вырос крепким пацаном и мог начистить рыло любому их ухажеру. И, кстати, чистил не раз! Но никакой личной выгоды это ему не принесло. Девчонки только злились на него: не обзывались и не жаловались – побаивались, но и не разговаривали. А в кино, кафешку или на дискотеку отправлялись со своими побитыми хлюпиками. Глухарю оставалось только глотать слюны, представляя себя на месте их счастливых избранников.

У парней в строительной бригаде, куда Глухарь устроился после школы, были совсем другие подруги. «Буфетчицы-минетчицы», как по-свойски называли их мужики. После пары стопарей водки или бутылки портвейна они сами норовили залезть в штаны. Назвать их красавицами можно было только, приняв в себя бутылку «белой», а уж умными – вообще никогда. С ними было просто, но и удовольствие тоже оказывалось средним, а чаще всего вообще никаким.

В армии, во время срочной, и в военном училище с красавицами Глухарю опять не повезло. По большому счету, его партнершами были все те же «буфетчицы-минетчицы»: сельские доярки да раздатчицы из курсантской столовой. Один раз, правда, удалось завалить в каптерке медсестру из санчасти. Она была смазливее остальных, но между ног у нее пахло какой-то прокисшей микстурой. Глухаря потом целый день тошнило.

Окончив военное училище и примерив офицерские погоны, он изменил самооценку и понял главное: женщины, как и все прочие самки, выбирают лучших, проще говоря, крутых, и если ты достаточно крут, то все красавицы будут принадлежать тебе. Через полтора года после выпуска Глухарь женился. Его избранница, правда, не отличалась модельной внешностью, хотя многие считали ее красивой, но, уж по крайней мере, была не душой. Недавняя выпускница пединститута, она, как и мучительница-англичанка, преподавала в школе. Они прожили вместе ровно год без особых ссор и скандалов, так, поспорили – помирились. Глухарь ее даже пальцем не тронул! В интимном плане тоже все было нормально. Во всяком случае, жена не блядовала, пока он мотался по служебным командировкам, значит, как мужик он ее полностью устраивал. А потом вдруг ни с того ни с сего объявила, что ей с ним скучно. Не устала от стирки, глажки или чего там еще замужней бабе делать приходится, а именно скучно! И никуда-то они вместе не ходят! А куда в военном городке пойдешь: клуб да баня, которая, кстати, для мужчин и женщин открыта в разные часы. И поговорить им, видите ли, вместе не о чем! А о чем разговаривать: о том, как он в командировках боевиков по горам отстреливает, или о том, как те у наших пленных солдат головы отрезают и все это на пленку записывают, чтобы потом хозяевам своим предъявить? Он на Кавказе таких кассет посмотрелся – из бандитских схронов их пачками выгребали, хватит! Когда из такой командировки возвращаешься, не до разговоров. Упасть бы на кровать да забыться. Да чтобы баба своя, родная была под боком. А ей, суке, видите ли, скучно! А на то, что обута, одета не хуже многих, и в квартире не шаром покати, как-никак он вместе с «боевыми» неплохо зарабатывал, побольше любого другого старлея, – на это ей, видите ли, наплевать! В общем, наорал он тогда на нее, дуру неблагодарную, еще приложил пару раз по роже, не сдержался. Та и слова в ответ не сказала, видно, поняла свою вину, молча собрала вещички и так же молча к родителям в Тверь укатила. А через месяц так же тихо развелась. Квартира в части, правда, за Глухарем осталась – как-никак служебная. Он, конечно, бесился поначалу, не без этого. А потом засунул обиду в кулак – что, на одной бабе свет клином сошелся?! В общем, притерпелся со своим положением. Думал, что притерпелся, пока накануне не столкнулся с этой психологиней-майоршей.

Сказать, что она была красива, значило ничего не сказать. Лицо, фигура, прическа, даже маникюр на руках – все высший класс. Куда там бывшей жене и школьной учительнице-англи-

чанке! Но на Глухаря красавица-майорша даже не взглянула. Точнее, взглянула, но не так, как смотрит самка на своего самца. Значит, для этой сытой и ухоженной стервы он оказался недостаточно крут! А капризная судьба, словно в насмешку, поставила эту женщину над ним, хоть и на время, сделав его начальницей.

Боевой опыт, железное очко и главное – осознание своей способности убить любого позволяли Глухарю на равных держаться со всеми вышестоящими командирами, не взирая на их должности и звания, и те, ощущая эту способность, признавали их равенство. Все, кроме майора Крайновой! То ли оттого, что она как опытный психолог разглядела в нем давние комплексы и детские обиды, то ли еще по какой причине, но в первом же разговоре с ней один на один Глухарь почувствовал себя школьником, не выучившим заданный урок. Странно, ничего такого, чего бы он не знал, майорша не спрашивала, а Глухарь плавал, словно снова спрягал у доски английские глаголы, будь они неладны!

Потом были тесты – два раздела по четыреста пятьдесят вопросов вроде: «любите ли вы классическую музыку?», «любите ли охоту?», «страдаете ли головными болями?» и прочей муры. Глухарю уже приходилось проходить похожее тестирование. Разница состояла лишь в том, что на этот раз перед ним был не лист бумаги, а экран компьютера, где нужно было отмечать нужные ответы с помощью компьютерной мыши. Он вроде бы все сделал правильно, тем не менее наблюдавшая за ним майорша посоветовала ему не волноваться и расслабиться. Он бы охотно с ней расслабился, если бы она расстегнула блузку и задрала юбку. Так расслабился, что у нее потом не осталось бы сил, чтобы собраться. Однако это, равно как и другие подобные предложения, пришлось засунуть себе глубоко в жопу – с красавицей-майоршей все равно ничего бы не выгорело, а ради того, чтобы пройти подготовку по экспериментальной программе спецназа будущего, можно было и потерпеть.

Единственное, с чем Глухарь никак не мог смириться, так это с тем, что сопляка Рогожина, эту отрывку спецназа с чугунной башкой, майорша явно выделяла среди всех остальных: и расспрашивала о нем больше, чем о ком бы то ни было, и болтала с ним на своих собеседованиях дольше, чем с другими. А уж выходил от нее сопляк такой довольный, будто врачиха как минимум сделала ему минет. А ведь в нем, если подумать, ничего, кроме самонимения да тупого упрямства, и нет. Ну разве что орден, полученный на халяву за один удачный выстрел. Сколько у Глухаря было таких выстрелов. Если все считать да за каждый ордена давать, места на груди не хватит. А вот, поди ж ты, чем-то Крайнову сопляк зацепил, раз она так с ним возится. Может, просто жалеет, тогда другое дело. Хотя его не жалеть надо, а спроводить на гражданку или хотя бы в штабную канцелярию бумажки перебирать. А его вместо этого в армейскую разведку! Ну где логика?!

Когда Рогожина после госпиталя назначили в разведгруппу к Глухарю его заместителем, тот первым делом попытался показать сопляку его истинное место. Но вышла осечка. Во время рукопашного спарринга сопляк умудрился подловить Глухаря на болевой прием и выиграл схватку вчистую. Правда, на полосе препятствий он лейтенантишку обставил. Тот с поражением не смирился и сейчас в свободное время все ходит на спортплощадку качаться. Только хрен ему! Чтобы такого же уровня достичь, сопляку придется семь потов согнать, из шкуры вылезти и обратно залезть. Вон Фагот уж на что здоровяк, а и то с командиром сравниться не может. Ничего, вот начнутся настоящие тренировки с потом и кровью, сразу станет ясно, кто есть кто и чего стоит. А если майорше так хочется играть в свои компьютерные игры, пусть и забавляется с сопляком Рогожиным.

– Сейчас в разных частях экрана будут появляться числа от одного до ста. Вам нужно последовательно нажимать их прямо на экране. Все просто, но постарайтесь делать это быстро и не ошибаться, – объяснила она предстоящую задачу.

Глухарь снова кивнул.

– Все ясно? Тогда начали.

Майорша нажала на клавиатуре какую-то кнопку, и на экране перед Глухарем вспыхнули разноцветные квадратики, в одном из них мигала цифра «1». Он ткнул в нее пальцем, остальные квадраты исчезли и появились уже на новых местах, только теперь в одном из них мигала цифра «2». Глухарь ткнул и в нее. Очередная смена расцветочных полей, и мигающая «тройка» на экране. Тест продолжался... На пятнадцатом или двадцатом числе в кабинете внезапно погас свет – то ли так было задумано в программе, то ли хитрая майорша незаметно выключила его, но новые числа продолжали появляться, не позволяя Глухарю отвлечься от экрана. Отыскав число «100», Глухарь облегченно откинулся на спинку стула, но на экране уже горела «единица», и все пришлось начинать заново.

* * *

Это в футбол можно играть на равных командами три на четыре, особенно если игра идет в одни ворота. А в волейбол на нормальной, полноразмерной площадке сразу ясно, кто победит. Конечно, если в играющей в меньшинстве команде не будет хотя бы одного мастера. Себя Чирок мастером не считал, хотя до армии увлекался волейболом и в разведгруппе играл немного лучше остальных. Но это «немного» в данном случае роли не играло, и их команда: он, Мосел и Глухарь медленно, но верно проигрывала. Конечно, если бы им на помощь пришел Чугун, можно было вырвать победу, тем более что играющие против них Злой, Фагот, Гирия и Жила как раз расслабились. Но лейтенанта еще с утра вызвала к себе Ольга Максимовна, и вот уже два часа он не появлялся. Поэтому Чирок не парился из-за результата, а играл в свое удовольствие. Он удачно принял посланный с противоположной стороны площадки мяч и подал его под удар Глухарю. Командир с криком что есть силы врезал по мячу, но не сумел пробить двойной блок Фагота и Жилы, выпрыгнувших над сеткой. Скрикошетив от ладоней блокирующих, мяч шлепнулся на противоположную половину площадки. Мосел и Чирок одновременно бросились под него, но не достали, да и не могли достать. Обменявшись улыбками, они поднялись на ноги, а Глухарь раздраженно выругался да еще наградил их обоих сердитым взглядом.

Последние дни он вообще держится довольно странно. Раздражается без всякого повода, может наорать, а сегодня утром в столовой, проходя мимо, ощутимо двинул Чугуна плечом. И какая муха его укусила? В отличие от командира Чирок не видел никаких поводов для раздражения. Исследовательский институт, куда их привезли, больше походил на санаторий. Отличная столовая с разнообразной едой, удобные комнаты на двоих, игровой и тренажерный залы, спортплощадка во внутреннем дворике – после казармы, так просто рай земной. Если их будут тренировать в таких условиях, то Чирок готов задержаться здесь еще на годик-другой. Правда, пока вместо тренировок все проходят разные медисследования. Как объяснила Ольга Максимовна, это что-то вроде карантина. Но Чирок готов их терпеть, тем более что многие тесты очень даже занятны...

Им, наконец, удалось выиграть очко, и подача перешла на их сторону. Изобразив, что собирается подавать по диагонали в дальний левый угол – туда как раз сместились Злой и Гирия, и справа от них открылась незащищенная часть площадки, Чирок приготовился пробить по мячу, но не успел. В спортзал пружинящей походкой вошел Чугун и громко, по-судейски, свистнул, остановив игру.

– Какого хера ты лезешь? – огрызнулся на него Глухарь.

– Это не я, – примирительно вскинул руки Чугун и, отыскав взглядом застывшего на краю площадки Чирка, скомандовал: – Чирков, к Ольге.

Только сейчас Чирок заметил, что вокруг глаз у лейтенанта отпечатались багровые полосы, словно от водолазной маски.

– Ты что, нырял? – удивился он.

Чугун в ответ загадочно улыбнулся.

– Сейчас и ты поныряешь. Давай, поспеши.

Ольга Максимовна встретила его в коридоре, но повела не в свой кабинет и не в медицинскую лабораторию, а куда-то вниз по лестнице. Чирок и в самом деле подумал, что где-то там находится институтский бассейн. Плавок он с собой не захватил, да у него их не было. Мог получиться конфуз, но когда Ольга Максимовна открыла широкую дверь с пущенным по ее периметру звукоизолирующим уплотнителем, никакого бассейна за ней не оказалось.

В довольно просторном кабинете, или скорее в комнате, потому что о ее назначении можно было только гадать, стоял устрашающего вида агрегат, похожий одновременно на игровой автомат и средневековую дыбу. Впрочем, приглядевшись, Чирок понял, что «дыба» вполне современна: вертикальные и поперечные металлические штанги, свисающие с них стальные тросы и плети толстых изолированных кабелей, широкие и узкие ремни, а посередине всего этого «великолепия» – металлопластиковое забрало, действительно очень напоминающее водолазную маску. Чирок замер на месте и непроизвольно сглотнул. Зато Ольга Максимовна смело подошла к странному агрегату и, указав на него рукой, сказала:

– А вот это наш тренажер виртуальной реальности.

– Чего? – переспросил Чирок.

Женщина улыбнулась.

– Вы играли в компьютерные игры?

Чирок пожал плечами и кивнул:

– Приходилось.

– За монитором с клавиатурой и мышкой?

– Не, на приставке, – признался Чирок.

– Этот аппарат фактически та же игровая приставка, только с большим эффектом присутствия, – пояснила Ольга Максимовна. – Здесь изображение передается не на экран компьютера или телевизора, а на дисплей специальной маски, – она указала на напугавшее Чирка «забрало». – Аудиосопровождение транслируется через наушники, ну а управление осуществляется не с помощью клавиатуры или джойстика, а посредством датчиков, закрепляемых непосредственно на теле испытуемого, проще говоря – игрока.

– То есть мне придется надеть на себя всю эту сбрую? – сообразил Чирок.

– Да, – подтвердила Ольга Максимовна его предположение. – И сыграть в один острозубный шутер.

– Игру-стрелялку?

– Точно. Хотя официально она называется программа-симулятор. Давайте, я вам помогу, – она подошла к развешанному на «дыбе» снаряжению и принялась расстегивать ремни подвесной системы.

Через несколько минут Чирок уже висел на растяжках в тридцати сантиметрах от основания диковинного тренажера. В руки Ольга Максимовна дала ему игровой пластмассовый автомат, у которого оказался на удивление тугой спуск.

– Это чтобы избежать случайного выстрела, – пояснила она, когда Чирок попытался нажать на спусковой крючок.

– А гранаты будут? – пошутил Чирок.

Однако Ольга Максимовна даже не улыбнулась.

– Нет, – ответила она после довольно продолжительной паузы, словно и в самом деле решала: дать ему гранаты или нет. – Ваша задача по ходу упражнения: проникнуть внутрь охраняемого виртуального объекта, уничтожить засевших там террористов и освободить захваченных заложников. Все ясно?

– Ясно, – Чирок кивнул. Подвешенное на растяжках тело сразу заколыхалось в паутине проводов и тросов. К этому надо было привыкнуть. – А сколько внутри террористов и заложников?

Ольга Максимовна снова надолго задумалась, удивив его, потом сказала:

– По условиям упражнения вам это знать не нужно, – и, отсекая другие вопросы, добавила: – Давайте начнем.

Она помогла ему надеть наушники и «забрало» с экраном. На какое-то время Чирок оказался в полной темноте, откуда внезапно попал на изрытую канавами и котлованами стройплощадку с приземистым двухэтажным зданием посередине, напоминающим промышленный ангар или недостроенный производственный цех. Он попробовал сделать шаг – получилось, тогда перешел на легкий бег. Удивляло, что он не может увидеть себя, сколько бы ни вертел головой, только ствол автомата да носки армейских ботинок. Однако во всем остальном компьютерная модель имела очень близкое сходство с реальностью. У него даже вырос пульс и участилось дыхание от быстрого бега.

На экране монитора, подключенного к симулятору, Ольга видела все то же, что в данный момент видел Чирков. Отдельной строкой на экран выводились снимаемые закрепленными датчиками жизненные показатели: сердечный ритм, артериальное давление, частота дыхания, уровень потоотделения и другие. Внезапно в оконном проеме на втором этаже выросла темная фигура – один из захвативших здание террористов. Чирков этого не знал, но, не задумываясь, ответил на ее появление короткой очередью. Фигура исчезла...

Картинка на мониторе действительно очень напоминала компьютерную игру. Но Ольга не испытывала обычного для геймеров азарта, потому что ни одна компьютерная программа и ни один боевой симулятор не могли смоделировать реальность, с которой столкнутся разведчики на «Хрустальном небе». Да и можно ли назвать происходящее там реальностью? Ольга этого не знала.

* * *

Освобождая старшину Кожевникова, этого «музыканта-гранатометчика», от ремней подвесной системы, Ольга поранила палец – с непривычки напоролась на острый конец пружины, которыми изобилует боевой симулятор.

Обслуживать тренажер полагалось техникам, но она выполняла всю работу сама, причем вовсе не потому, что после ЧП на «Хрустальном небе» в отделе почти не осталось личного состава – уж одного специалиста она смогла бы найти себе в помощь. Причина была гораздо глубже. Если бы только это было возможно, Ольга полностью бы исключила контакты разведчиков с другими сотрудниками отдела. И все для того, чтобы завоевать их доверие. После недавно принятого ею непростого решения это стало крайне важным. Как психолог со стажем, она понимала, что за несколько дней, отпущенных на подготовку группы, добиться полного доверия у восьми ранее незнакомых ей молодых людей практически невозможно. Тем не менее лейтенант Рогожин, прапорщик Злобин, сержанты Чирков и Жилин, похоже, прониклись к ней искренним расположением. Чего, к сожалению, нельзя было сказать об их командире. Тот по-прежнему держался настороженно, порой даже агрессивно. Но Ольга не теряла надежды. Если бы только у нее было больше времени. Еще хотя бы неделя. Однако, судя по данным наблюдения за «Хрустальным небом», которые она обобщала в ежедневных аналитических справках для министра обороны, и, главное, по нарастающему раздражению среди кураторов проекта «Арена», им с Пановым вряд ли следует рассчитывать на увеличение сроков подготовки досмотровой группы.

– Ольга Максимовна, вы закончили?

Она обернулась. В дверях стоял полковник Панов собственной персоной. Чтобы Михаил Александрович решил нарушить ход теста, должно было произойти нечто неординарное. А уж чтобы начальник отдела лично отправился на поиски кого-то из своих подчиненных – такого и вовсе прежде не бывало.

– Да, Михаил Александрович, – кивнула Ольга, хотя запястья Кожевникова все еще были схвачены ремнями и снять их самостоятельно, без посторонней помощи он никак не мог.

Панов заметил это и поморщился. Он ничего не сказал, но в его взгляде Ольга прочитала плохо скрываемое нетерпение. Она засуетилась. К счастью, на этот раз обошлось без травм, и через минуту Кожевников уже стоял на полу полностью свободный от ремней и зажимов. Панова он видел впервые, поэтому неожиданное появление незнакомого мужчины в гражданском костюме не произвело на него никакого впечатления. Скорее всего, он принял Панова за одного из ее коллег или ассистентов.

– На сегодня мы закончили, – объявила Ольга Кожевникову, но старшина не спешил уходить.

Он с любопытством разглядывал тренажер, потом взялся за одну из опорных стоек подвесной системы и покачал из стороны в сторону, пробуя на прочность.

– Интересная штука. Я и не знал, что у нас в армии такие есть. Ощущения, прямо как...

Пока Кожевников говорил, Ольга вежливо улыбалась, но едва он запнулся, подбирая слова, поспешила вмешаться:

– Позже мы продолжим занятия, а сейчас у меня много работы.

Кожевников сразу подтянулся.

– Виноват, товарищ майор. Разрешите идти?

– Идите.

Он четко развернулся через левое плечо и, неодобрительно взглянув на Панова, вышел из кабинета.

– Простите, Михаил Александрович. Кандидаты вас не знают... – начала оправдываться Ольга, но Панов жестом остановил ее.

Ольга замолчала, но и Панов не спешил начинать разговор, ради которого пришел сюда. В кабинете повисла гнетущая тишина, порождая у Ольги тревожные предчувствия.

– У тебя кровь, – неожиданно сказал Панов, указав на ее расцарапанный палец.

– Небольшая царапина, ничего серьезного. Зацепилась за что-то, когда возилась с тренажером, – призналась Ольга. Она ощупала карманы своего медицинского халата в поисках клочка марли или хотя бы носового платка, чтобы вытереть кровь с пальца, но там ничего не оказалось, и она просто спрятала пораненную руку за спину.

– Только что звонил помощник министра, – без перехода сообщил Панов. – К завтрашнему дню необходимо представить поименный список досмотровой группы, а еще через день мы должны начать операцию.

Ольга сразу забыла про свой окровавленный палец. На мгновение ей даже показалось, что она потеряла дар речи. О том, что кандидаты еще не прошли все положенные тесты, Панов знает не хуже ее, и раз он не сказал об этом помощнику министра, значит, не смог этого сделать. Или посчитал бессмысленным... Хотя Панов не тот человек, чтобы ради собственной выгоды умолчать о чем-то, если это ставит под угрозу жизни людей. Скорее всего, помощник министра не стал его слушать. Значит, он просто озвучивал по телефону распоряжение своего шефа.

Ольга наконец обрела голос.

– Письменный приказ есть?

Панов только вздохнул.

– Будет и письменный, поверь моему слову. Министру надоела неопределенность, и он хочет знать все. Причем немедленно.

– Тем более нельзя посылать на разведку неподготовленных людей! – воскликнула Ольга, запоздало пожалев о своей несдержанности. Панов это прекрасно понимает, а вот как объяснить то же самое министру обороны?

– Неподготовленных к чему?! – вслед за ней повысил голос Михаил Александрович. – Если мы понятия не имеем, что произошло на «Хрустальном небе» и что там происходит сейчас!

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, после чего Панов сказал:

– Оля, ты же понимаешь, если я не выполню приказ министра, завтра же меня здесь не будет. На мое место поставят другого человека, долго и искать не надо, и тебе придется выполнять его распоряжения.

– Понимаю, – кивнула Ольга.

– Вопрос: что в такой ситуации делать?

Ольга подняла голову и расправила плечи. В конце концов, она уже приняла решение, и сейчас самый подходящий случай, чтобы сообщить о нем Панову.

– Вы правы, Михаил Александрович, дать разведчикам дополнительную подготовку мы не можем, потому что не представляем, с чем им придется столкнуться. Других кандидатов у нас нет. Поэтому нужно утверждать прежний состав группы. У меня только два дополнительных условия.

Панов удивленно поднял на нее глаза. Прежде она ему условий не ставила.

– Командиром группы вместо старшего лейтенанта Глухарева следует назначить лейтенанта Рогожина.

Панов удивился еще больше.

– Основания?

– Рогожин лучше справится с этой задачей.

Панов раздраженно поморщился.

– Это не аргумент.

– Хорошо. У Рогожина выше уровень интеллекта и скорость реакции, прекрасная память... на всех тестах он показал отличные результаты, – в последний момент Ольга опустила слово «практически», в корне меняющее смысл последней фразы. – Он прекрасно развит физически, несмотря на перенесенное недавно тяжелое ранение.

– А Глухарев, что, хуже?

– Хуже, Михаил Александрович. Хуже по всем статьям. У него значительно ниже скорость реакции. В тесте на внимание он допустил несколько серьезных ошибок. Он привык мыслить шаблонно, не обращая внимания на детали, что, в конечном счете, приводит к ошибкам. И все это при крайне завышенной самооценке.

– Но у Глухарева, насколько я помню, есть опыт управления разведгруппой в боевых условиях, а у Рогожина такого опыта нет. Да и подчиненные его уважают.

– Скорее, не уважают, а боятся, – поправила начальника Ольга. – Что касается имеющегося у Глухарева боевого опыта, то на «Хрустальном небе» он вряд ли применим.

Панов надолго задумался, наконец сказал:

– Ну хорошо, это, как я понимаю, первое условие. Какое же второе?

– Я отправляюсь на объект вместе с группой! – удивившись собственной решимости, объявила Ольга.

Но Панов ее, видимо, не понял.

– Куда ты отправляешься?

Пришлось повторить:

– На «Хрустальное небо».

Панов изменился в лице, словно увидел перед собой разъяренного хищника или гремучую змею.

– Нет... Зачем? С какой стати?! Я тебе... Я вам не позволю! Что вы себе вообразили?!

Ольга подождала, когда он выговорится, после чего сказала:

– Михаил Александрович, я нашла кандидатов, я за них отвечаю, поэтому я не могу просто взять и бросить.

– Нет и еще раз нет! – замотал головой Панов. – Что значит – вы их нашли? Это ваша работа. Почему вы должны рисковать собой? Вы в первую очередь ученый, а не боевой офицер!

– Вот именно потому, что я и ученый, и офицер, я должна быть там, – твердо заявила Ольга. – Ведь разведчики ничего не знают ни о проекте «Арена», ни о «Хрустальном небе».

– Но ведь именно вы убедили меня, что для успешного решения задачи им и не нужно этого знать! – перебил ее Панов.

– Я и сейчас считаю, что продуманная легенда поможет разведчикам побороть страх перед неизвестностью. Однако я твердо убеждена, что в составе разведгруппы должен быть человек, которому от начала до конца известно о ходе эксперимента.

Это была ложь. Ни в чем таком Ольга не была уверена, да и о нынешнем положении на «Хрустальном небе» знала не больше остальных. Но ради Дмитрия Рогожина и ради его товарищей, которых она бессовестно обманула и продолжает обманывать, она готова была солгать даже Панову.

– Официально заявляю вам, Михаил Александрович, если вы не утвердите меня в составе разведгруппы, я подам рапорт кураторам проекта, вплоть до министра.

А вот это уже была правда, и Панов ее сразу почувствовал. Он с жалостью взглянул на Ольгу и с мольбой в голосе произнес:

– Зачем тебе это нужно, Оля? Доказать, что ты на такое способна? Я и так это знаю. Или, может быть, таким поступком хочешь убедить кураторов проекта, что более чем кто-либо достойна возглавить отдел?

Ольга вспыхнула.

– У меня и в мыслях не было! Как вы могли такое подумать?!

– Да ничего такого я не подумал, – вздохнул Панов. – Я же хорошо тебя знаю. Вернее, думал, что знаю. Знаешь, Оленька, – он впервые назвал ее по имени так нежно. – После гибели Алексея я ведь остался совсем один, и ты... Ты стала для меня самым близким человеком. Нет, я никогда не относился к тебе, как к дочери, хотя порой мне этого очень хотелось. Знаешь, я всегда мечтал о сыне, гордился им. А теперь должен признать, что мне не хватало дочери, такой дочери, как ты.

Никогда еще Панов не разговаривал с ней так откровенно. Может быть, это признак старости, промелькнула в голове неуместная мысль. А ведь Панов действительно сильно сдал за последние дни. Ольга подошла к нему и осторожно взяла за руку, ощутив под пальцами дряблую сухую кожу.

– Тогда тем более вы должны меня понять, Михаил Александрович. Я просто не могу бросить доверяющих мне людей на произвол судьбы.

– Но как? Скажи: как ты собираешься им помочь?! – надтреснутым голосом воскликнул Панов.

Ольга в ответ загадочно улыбнулась.

– Не знаю, Михаил Александрович. Еще не знаю.

* * *

В отглаженном полковничьем мундире Панов вовсе не походил на старика, каким на мгновение показался Ольге накануне. Сейчас он выглядел как зрелый и опытный руководитель крупного подразделения. Правда, мундир, который Панов для этого случая специально достал из шкафа, немного отдавал запахом нафталина и лаванды, но это чувствовала только стоящая рядом Ольга, да еще, может быть, подполковник Феоктистов, который также пожелал присутствовать на построении.

Само построение происходило на заасфальтированной вертолетной площадке во внутреннем дворе института, которую при хорошем воображении вполне можно было принять за строевой плац. Не хватало только флаштока с развевающимся флагом, военного оркестра да гостевой трибуны.

Ольге вдруг стало смешно. Она даже удивилась внезапной перемене настроения. Происходящее вовсе не располагало к веселью, хотя и отдавало некоторой театральностью. Главная роль в этой постановке отводилась Панову, а зрителями, безусловно, являлись разведчики, выстроившиеся напротив него в шеренгу. Судя по их сосредоточенным лицам, они все воспринимали происходящее совершенно серьезно. Хотя как еще они могли это воспринимать?

– Товарищи солдаты и офицеры... – торжественно начал Панов.

Ольга подумала, что это лишнее. Начальнику следовало держаться и говорить проще и естественнее. А еще лучше было бы просто вызвать Рогожина к себе в кабинет и объявить приказ о его назначении командиром экспериментальной учебной группы. И зачем только она придумала это построение?

– Вы успешно прошли отборочные тесты и зачислены в контрольную группу испытуемых, которым предстоит пройти курс боевой подготовки по новой экспериментальной программе...

Дмитрий Рогожин, стоящий на правом фланге шеренги, весь обратился в слух. Сегодняшний день изобилует сюрпризами – только успевай подмечать. Началось с того, что утром ни у кого не взяли ставших уже обычными анализов крови и не измерили ни пульс, ни давление, не сняли ЭКГ. Прodelывающая эту процедуру медсестра даже не появилась в медицинском изоляторе, да и процедурный кабинет остался закрыт. Потом за завтраком, вместо обычной каши с жидкой, разваливающейся котлеткой, всем подали два вида салатов и увесистую мясную отбивную с гарниром – по солдатским, да и офицерским меркам настоящие деликатесы. Это выглядело так, словно их всех перевели на усиленное питание. Во время Великой Отечественной так поступали с группой, готовящейся к заброске в немецкий тыл. Дальше – больше. Ни после завтрака, ни позже, когда в другие дни уже вовсю шли медицинские исследования, Ольга так никого к себе и не вызвала и даже не зашла в санблок, где прежде появлялась по несколько раз на дню. Неугомонный Чирок в шутку поинтересовался, не забыла ли она о своих подопечных. Остальных ее отсутствие не очень-то беспокоило, лишь все тот же Чирок пожалел об упущенной возможности еще раз поупражняться на тренажере виртуальной реальности. Кстати, Мосел и Жила вообще не проходили тренажер, что можно было бы считать завершением этого теста.

Предоставленные сами себе разведчики пытались убить время по-разному. Дмитрий попробовал читать, но взятая в местной библиотеке книга оказалась скучной и неинтересной. Автор выбранного им военного боевика, вопреки красочно расписанной биографии на обложке, никогда не служил в спецназе, да и об армии имел лишь поверхностное представление. Поэтому, прочитав десяток страниц о военных и сексуальных подвигах главного супергероя, Дмитрий отложил книгу. Больше занять себя было нечем, и он отправился в тренажерный зал. Кроме Глухаря, остервенело избивающего подвешенный в углу боксерский мешок, там больше никого не было. Компания оказалась не самой приятной. Дмитрий даже поначалу хотел уйти, но в последний момент передумал и остался. Установленные в зале тренажеры были гораздо новее тех, на которых занимались разведчики у себя в бригаде, да и сохранились не в пример лучше. К тому же здесь имелся большой выбор штанг и различных гантелей с красивыми хромированными грифами, работать с которыми было одно удовольствие. Дмитрий уединился в противоположном от Глухаря углу, где сосредоточенно тягал железо, пока Ольга своим хорошо поставленным дикторским голосом не объявила по внутреннему радио общий сбор. До объявленного построения было еще достаточно времени: все-таки исследовательский институт – это не база спецназа, где поднятое по тревоге подразделение должно полностью

экипироваться и построиться на плацу для получения боевого приказа за несколько минут. Дмитрий даже успел забежать в душ и привести себя в порядок. Остальные разведчики подтягивались к месту сбора так же неспешно. Но к назначенному времени все, как и положено, стояли в одной шеренге во внутреннем дворе на заасфальтированной непонятно для каких целей площадке.

Ольга тоже вышла на построение в форме, причем не одна, а с двумя полковниками. Одного из них она представила как начальника отдела, надо полагать того самого, где разрабатывалась экспериментальная программа боевой подготовки. Второго мужчину – подполковника с барской внешностью, которого Дмитрий сначала по ошибке повысил в звании на одну ступень, она представлять не стала. Дмитрий отчего-то подумал, что они с подполковником недолюбливают друг друга. Тут как раз заговорил полковник Панов, и внимание Дмитрия переключилось на него.

Панов начал с того, что фактически повторил слова Ольги о курсе боевой подготовки по экспериментальной программе, который разведчикам предстояло пройти, а от себя добавил несколько слов об особой и важной роли, которая им при этом отводится. Ничего нового из его выступления Дмитрий для себя не узнал. Удивляло другое: смысл сказанного и выражение лица начальника отдела не соответствовали друг другу. Панов смотрел на выстроившихся перед ним разведчиков, как... как, наверное, смотрел на Гагарина Королев перед стартом. Так мог смотреть командир на солдата, которому поручено рискованное, опаснейшее задание. Но что может быть рискованного в учебной программе, пусть даже экспериментальной? Дмитрий перевел взгляд на Ольгу, но она стояла с непроницаемым выражением лица. Зато неназванный подполковник, определенно, выглядел счастливым. Только что руки не потирал от удовольствия.

Происходящее на плацу подполковник Феоктистов считал главным образом своей заслугой. И пусть он не отбирал разведчиков по воинским частям и не проводил с ними контрольные тесты, но именно он аккуратно намекнул министру, что начальник отдела полковник Панов и эксперт-аналитик Крайнова под предлогом проведения дополнительных медицинских исследований затягивают отправку группы на «Хрустальное небо». Не понаслышке зная особенности подковерной борьбы в министерских кабинетах, Феоктистов отлично представлял, какую бурю вызвало в окружении министра его сообщение. Наверняка кураторы «Арены» объединились в едином стремлении доказать министру, что в столь серьезном деле любая, даже малейшая, задержка совершенно недопустима, что Панову давно уже следовало выяснить причину ЧП и устранить ее. Возможно, кто-нибудь даже подкинул министру мысль, что отдел нуждается в новом, более молодом и энергичном руководителе. Не будучи до конца уверенным в таком варианте развития событий, Феоктистов считал его вполне вероятным. Как бы там ни было, реакция министра последовала незамедлительно. Накануне он потребовал от Панова конкретных действий, и уже сегодня утром Феоктистов лично завизировал предложенный Крайновой список разведгруппы, прежде чем Панов отправил его министру на утверждение. Этот, в общем-то, формальный акт подарил ему еще один повод для оптимизма. Девятым номером в списке разведгруппы Крайнова указала себя. Она все-таки совершила ошибку. Или решила пойти ва-банк, предположив, между прочим справедливо, что иначе ей никогда не стать начальником отдела. Если так, то с ее стороны это очень рискованный шаг. После ЧП на «Хрустальном небе» оттуда еще никто не возвращался.

– Командиром испытательной группы я назначаю лейтенанта Рогожина, – неожиданно объявил Панов. – Лейтенант Рогожин!

– Я, – с секундным опозданием отозвался Дмитрий.

– Выйти из строя!

Дмитрий механически сделал два шага вперед.

– Принимайте командование группой, – сухо закончил Панов, глядя куда-то в сторону. От первоначальной торжественности в его голосе не осталось и следа. – После построения зайдите ко мне на инструктаж.

– Есть, – заученно ответил Дмитрий, хотя понятия не имел, где находится кабинет начальника отдела.

Еще больше вопросов у него было к Ольге, без участия которой это назначение никак не могло состояться, но та отчего-то тоже смотрела мимо него. И только Глухарь буравил своего бывшего заместителя ненавистным взглядом.

* * *

Кабинет Панова (вопреки ожиданию, Дмитрий нашел его довольно быстро) выглядел непривычно. Хотя, с другой стороны, возможно, именно такая обстановка требовалась руководителю научно-исследовательского подразделения. Стена напротив окна от пола до потолка была плотно заставлена стеллажами и шкафами с книгами, научными журналами на разных языках и пронумерованными папками скоросшивателей. На письменном столе стоял включенный монитор, а из-под стола доносился приглушенный гул работающего компьютера. Еще обращала на себя внимание отдельная тумба с телефонами, среди которых Дмитрий заметил целых два аппарата ВЧ-связи.

Хозяин кабинета тоже повел себя странно. При появлении Дмитрия он поднялся из-за стола, вышел навстречу да еще крепко пожал вошедшему лейтенанту руку. Кстати, точно так же вела себя и Ольга при их первой встрече.

– Проходите, присаживайтесь. Ольга Максимовна введет вас в курс дела.

Ольга находилась здесь же. Она сидела за приставным столом и внимательно смотрела на Дмитрия, словно хотела понять, какую реакцию вызвало у него объявленное на построении назначение. Непривычный к подобному вниманию со стороны воинских начальников и прочих старших офицеров и ощущая поэтому некоторую неловкость, Дмитрий осторожно присел на край стула напротив нее. Панов тоже вернулся на свое место и молча откинулся на спинку кресла, из чего можно было понять, что ведение дальнейшей беседы он доверяет Ольге. Так и оказалось.

– Товарищ лейтенант, – по-уставному обратилась она к нему. – Завтра ваша группа отправится на полигон, где начнутся практические тренировки. Первое упражнение: разведка. Вы должны будете обследовать территорию полигона и имеющиеся на нем постройки, проникнуть внутрь и провести внутреннюю разведку зданий. На месте вы получите подробный план полигона и всех сооружений. Особенность упражнения в том, что оно полностью имитирует боевую операцию. Соответственно, и вы должны относиться к нему как к реальной боевой операции. При необходимости используйте оружие. Выбор оружия и снаряжения остается за вами. Единственное условие: на полигоне могут находиться гражданские лица, которые ни в коем случае не должны пострадать. Вам ясна предстоящая задача?

Дмитрий вопросительно взглянул на Панова, но тот по-прежнему молчал. Если таким образом преподаватели рассчитывали привести командира разведгруппы в растерянность, то им это удалось.

Дмитрий снова повернулся к военврачу:

– Не совсем, товарищ майор. Вы сказали: на полигоне могут находиться гражданские лица. Они, что, оказались в заложниках?

– Это вам предстоит выяснить на месте, – не моргнув глазом, ответила Ольга. Она тоже вела себя довольно странно. И вообще сегодня выглядела, как чужая, словно надела маску равнодушия. Даже голос изменился: из живого и участливого сделался каким-то механическим. Или это тоже часть обучающей программы? – Еще есть вопросы?

– Да, – поспешно кивнул Дмитрий. Еще ни один приказ не вызывал у него столько вопросов. – Если это тренировочное упражнение, то как оно может полностью имитировать боевую операцию? Вообще, как это понимать? Или... существует реальная опасность гибели?!

При этих словах Панов бросил на Ольгу быстрый взгляд, но ее лицо осталось таким же непроницаемым.

– Такая опасность существует во время любых серьезных учений. Поэтому, во избежание... несчастных случаев, вам всем следует быть предельно осторожными. И не забывайте, что вы будете действовать с реальным боевым оружием.

Практически все военные маневры и учения проводятся с боевым оружием, вот только снаряжается оно холостыми и имитационными боеприпасами. Но из слов Ольги следовало, что у них и боеприпасы будут боевыми. Ну и обучающие программы разрабатывают они в своем институте!

– Есть соблюдать предельную осторожность, – ответил Дмитрий первое, что пришло на ум. Хотя в голове у него стоял настоящий сумбур.

– Постарайтесь донести эту мысль до каждого разведчика, – добавила Ольга. – Так как теперь вы как командир отвечаете за жизнь каждого из них.

– Разрешите еще вопрос, товарищ майор? – быстро сказал он. – Почему командиром группы назначили меня?

– А вы что, против? – переспросила Ольга. В ее голосе Дмитрию послышался испуг.

– Да нет, не против. Просто это довольно неожиданно. Ведь у нас есть командир: старший лейтенант Глухарев.

– Это временное назначение. Только на период испытаний, – уточнила Ольга. – Хотя то, как вы себя проявите в должности командира группы, безусловно, скажется на вашей дальнейшей военной карьере. По итогам этих испытаний каждый из вас получит развернутую характеристику, которая будет приобщена к личному делу.

А он-то, дурак, обрадовался, мысленно укорил себя Дмитрий. А ведь должен был сразу догадаться. Как какой-то экспериментальный исследовательский отдел может влиять на кадровые назначения в армейском спецназе?

– Если у вас больше нет вопросов, можете идти, – решила закончить разговор Ольга. На этот раз в ее голосе Дмитрию послышалось нетерпение. – В 13.00 ваша группа в полном составе должна прибыть на оружейный склад для получения оружия. Помните испытательный стенд с тренажером виртуальной реальности? Оружейный склад находится в том же крыле этажом ниже.

Когда за Дмитрием закрылась дверь, Ольга сжала пальцами виски, стараясь унять пульсирующую в голове боль, и когда та немного утихла, повернулась к Панову:

– Как я держалась, Михаил Александрович? Как думаете, он мне поверил?

– Поверил, – хмуро пробурчал Панов, немного помолчал и, видимо не выдержав, добавил: – Сейчас даже Феоктистов остался бы вами доволен.

* * *

После построения Глухарь не вернулся в жилой блок – если он зачем-то понадобится Чугуну, пусть тот сам разыскивает его, – а засел в курилке, устроенной во дворе, смоля одну сигарету за другой. Вскоре туда подтянулись и остальные. Курить в помещениях строго запрещалось, поэтому желающие выходили подышать во двор. Но сейчас в курилке собрались даже те, кто никогда не держал во рту сигарету. На своего бывшего командира они старались не смотреть и, даже случайно встретившись с Глухарем взглядом, поспешно отводили глаза. Так волки сторонятся своего отвергнутого вожака. Бывает и по-другому: бывшего вожака стая просто загрызает, как Глухарь когда-то читал в какой-то детской книжке. Но сейчас до этого еще

не дошло. Гиря даже протянул пачку «Петра», когда Глухарь выплюнул очередной догоревший окурок. Глухарь молча поднял на него глаза. Гиря потупился, но не отвел взгляда. Ишь ты, сочувствует, а на построении даже не заикнулся, когда полкан назначил Чугуна старшим группы. И ни одна сволочь не заикнулась! Глухарь хмуро оглядел своих бойцов. Бывших своих бойцов! Хотя, что они могли сделать, если полкан с этой ...лядью Крайновой уже все решили?

Он молча выудил сигарету из протянутой пачки, прикурил и нарочито лениво выпустил дым сквозь зубы. Приободренный такой реакцией Гиря присел рядом с ним на краешек скамейки.

– Как же так получилось, Глухарь, что Чугуна назначили вместо тебя? – спросил он.

Мосел, Фагот да и остальные сразу повернули головы в их сторону. Это был первый вопрос, который задали парни низложенному командиру, хотя неожиданное назначение сопляка-лейтенанта старшим группы не на шутку взволновало их. Вот только Глухарь никак не мог понять, как они относятся к этому назначению.

– А то тебе непонятно: как?! – передразнил Гирю Глухарь и, не вставая со скамейки, плюнул в сторону урны, но не попал: плевок повис на ее вертикальной стенке. – Ублажил майоршу, вот она и выпросила у своего начальника для него это назначение, – громко, чтобы услышали все, закончил Глухарь.

Жила, еще один Чугунов прихвостень, недоверчиво нахмурился.

– Ты думаешь, они... – запнувшись в конце фразы, Жила ограничился жестом: хлопнул правой ладонью по сжатому кулаку левой.

– Нет, бля, книжки читали! – оскалился Глухарь. – То-то всякий раз Чугун выходил от нее с улыбкой до ушей, довольный, как мартовский кот. Эта Крайнова, я вам скажу, – он понизил голос, перейдя на доверительный шепот, – еще та пробля...

– Да нет, не может быть, – замотал головой Чирок, но его никто не стал слушать.

– Атас! Чугун возвращается, – шепнул Мосел, и, оборвав начатый Глухарем разговор, все разом повернулись к появившемуся во дворе лейтенанту.

Вопреки ожиданиям, Чугун отчего-то выглядел мрачным. Может, на радостях и вправду хотел трахнуть майоршу, а она ему не дала. Он подошел к курилке и, ни к кому конкретно не обращаясь, попросил:

– Дайте закурить.

Глухарь демонстративно отвернулся, а Гиря помялся, но затем все-таки протянул лейтенанту пачку своего «Петра». Чугун выудил оттуда сигарету, но закуривать не стал: так и вертел в руках.

– Ну! – не выдержал Жила. – Чего тебе сказал полковник?

Чугун покачал головой:

– Ничего.

– Как ничего? – опешил Жила. – С кем же ты разговаривал?

– С Ольгой Максимовной.

Глухарь демонстративно хмыкнул: а я вам что говорил. Но тут снова заговорил Чугун, и внимание всех переключилось на него.

– Честно скажу, парни, я мало что понял, – признался он.

Еще бы ты понял, сопляк, усмехнулся Глухарь, но на него в этот момент никто не смотрел. А Чугун, продолжая мять нераскуренную сигарету, продолжал:

– В общем, завтра у нас начинаются тренировки. Для этого где-то выстроен специальный полигон. Только... – он сделал паузу. – Дело в том, что на этих тренировках можно по-настоящему свернуть себе шею. Программа боевой подготовки, которую нам предстоит испытать, максимально имитирует условия реального боя, вплоть до применения боевых патронов, мин, гранат и прочих боеприпасов.

– Так мы и раньше стреляли боевыми, – невозмутимо заметил Фагот. – Помню, на батальонных учениях в прошлом году...

Но Чугун не дал ему договорить.

– А сейчас все это будет применено против нас.

– Шутишь? – подозрительно прищурился Жила.

– Если бы, – вздохнул Чугун. – Нам даже разрешено использовать любые виды оружия и боеприпасов. Кстати! – он обвел взглядом собравшихся. – В тринадцать часов получаем на складе оружие.

– Ну с оружием понятно, – растолкав обступивших лейтенанта бойцов, протиснулся вперед Мосел. – А делать-то что будем, с кем воевать?

– Сначала разведка полигона, потом не знаю.

– Что же Крайнова тебе по-дружески не сказала? – ехидно спросил Глухарь.

Он хотел поддеть сопляка, но тот так и не въехал. Повернул свою озадаченную рожу и сказал куда-то в пространство:

– У меня такое впечатление, что и она, и этот Панов еще много о чем недоговаривают.

* * *

Оружейный склад больше походил на выставку военного снаряжения. Здесь не было железных решеток и обычного стеллажа, на который пронырливые прапорщики с плутоватыми глазами выкладывали выписанные по накладной пистолеты, автоматы, магазины и цинки с патронами. Самих прапорщиков тоже не было. Распоряжался на складе уже знакомый Дмитрию майор Пригоров, сопровождавший разведгруппу от базы спецназа до исследовательского института. Он был в том же десантном комбинезоне, который со дня первой встречи ничуть не износился и выглядел таким же новым, только на этот раз без головного убора. Первым делом майор уточнил, кто командует группой, лишь после этого распахнул сваренную из толстых стальных листов и заполненную песком или другим наполнителем тяжелую дверь, на которой трафаретными буквами было напечатано «Оружейная», и пропустил разведчиков в свои владения. За дверью располагался ярко освещенный длинный коридор, который упирался в другую, точно такую же, дверь с короткой надписью «Тир», а по обе стороны от ведущего к ней прохода были расставлены стенды с разнообразным пехотным вооружением, а также ростовые манекены в различном боевом снаряжении и средствах защиты. Все экспонаты этой своеобразной оружейной выставки от автомата или вставленного в ножны боевого ножа до защитного бронешлема или надетого на манекен противогаза сияли чистотой, словно только что вышли из сборочного цеха или их в течение нескольких часов подряд тщательно начищала рота солдат. Дмитрий даже взглянул по сторонам: нет ли вокруг фильтров отсоса пыли, какие бывают на некоторых производствах и в научных лабораториях, где требуется особая чистота, но ничего подобного ни в стенах, ни на потолке не обнаружил. Да и кому могло прийти в голову устанавливать столь сложную и дорогую систему очистки воздуха на оружейном складе? Тем не менее факт оставался фактом: все разложенное, расставленное и развешанное на складе оружие выглядело абсолютно новым, как... как десантный комбинезон распоряжающегося на складе майора. Может быть, поэтому, несмотря на свой грозный вид, автоматы, снайперские винтовки и пистолеты, даже ножи и саперные лопатки выглядели какими-то сувенирными, предназначенными не для боя, а для съемок остросюжетного кинобоевика, имеющего такое же отношение к реальной жизни, как взятая в библиотеке книжка.

Остальные разведчики с не меньшим любопытством разглядывали окружающие их экспонаты. Мосел не удержался и взял с ближайшего стенда изящный нож с обоюдоострым вороненым лезвием. Пригоров тоже заметил это, но не одернул любопытного сержанта, продолжая наблюдать за ним с удивившей Дмитрия загадочной ухмылкой. Через секунду Маслов болез-

ненно скривился и выронил нож, который, спикировав вниз, вонзился в одну из плит напольного покрытия. Мосел слизнул кровь с порезанного пальца и, ощущая за собой вину, виновато потупился, но Пригоров и не думал сердиться. Каким-то неуловимо стремительным движением он оказался возле Маслова, без видимых усилий выдернул застрявший в полу нож и вернул обратно на стенд, после чего вынул из нагрудного кармана индивидуальный медицинский пакет и сунул его в руки Мослу. Это выглядело так, будто майор заранее приготовил индпакет как раз на такой случай, словно он заранее знал, что кто-нибудь из разведчиков обязательно поранится при обращении с оружием. Но больше всего Дмитрия поразило выражение его лица. Своевольный поступок Маслова и полученный им порез вызвали у Пригорова не досаду или раздражение, а скорее... удовлетворение.

– Запомните, сосунки, оружие не прощает небрежного обращения, а это в особенности, – сказал он.

– Что же в нем такого особенного? – поинтересовался Чирок.

Вместо ответа майор подобрал со стенда другой клинок, почти исчезнувший в его широкой ладони. Метательная «оса» или что-то похожее, навскидку определил Дмитрий. А потом произошло настоящее чудо: майор взмахнул рукой, пущенный им нож черным бликом промелькнул в воздухе и глубоко, почти по самую рукоятку, вонзился в надетый на манекен кевларовый жилет.

– Ни хрена себе! – пробормотал стоящий возле манекена Гиря и испуганно попятился.

Глухарь, напротив, подался вперед и принялся ощупывать пробитый кевлар. Судя по тому, как вытянулось его лицо, жилет был самый настоящий.

– Как же это, товарищ майор? – наконец спросил он. – Он же штыковой удар выдерживает, а тут какой-то нож.

Пригоров в ответ только усмехнулся.

– Ножи бывают разные.

Разведчики озадаченно переглянулись, и только Мосел старательно бинтовал пораненный палец. Ему никак не удавалось остановить кровь, видимо порез оказался глубоким.

– Помочь? – спросил у него Дмитрий.

Но тот упрямо мотнул головой:

– Сам справлюсь.

Мосел, конечно, не был таким мастером ножевого боя, как Глухарь, но обращаться с холодным оружием, безусловно, умел. Как он умудрился порезаться, непонятно. Еще более удивительно, что майор-оружейник ожидал чего-то подобного, почему заранее и позаботился об индивидуальном пакете.

– Ну что, лейтенант, выбрал инструменты для своей банды? – нетерпеливо спросил он, прервав рассуждения Дмитрия.

Неприкрытое презрение в его словах оскорбило Дмитрия, но он промолчал. Пригоров был старше его по званию, поэтому приходилось терпеть.

– Могу порекомендовать «АК-103» и «104», «абаканы», снайперки «ВСС»² со всеми типами прицелов, различные ножи, если вы, конечно, не боитесь обрезать себе пальчики, – с той же презрительной ухмылкой продолжал Пригоров, перейдя к следующему стенду. – «СВД» советую не брать: в узких переходах с таким стволом замучаетесь, а в прицельной дальности смысла нет.

– А как же убойность? – спросил Фагот. Хотя, по идее, не он, а снайпер Злой должен был задать этот вопрос.

² «ВСС», или «винторез» – компактная 9-мм снайперская винтовка со встроенным глушителем, предназначенная для поражения противника на ближней и средней дистанции.

Майор снова загадочно усмехнулся, потом взял со стенда «винторез», быстро снарядил магазин и, приказав разведчикам следовать за собой, направился к тиру.

Стрелковую галерею отделял от оружейного склада просторный тамбур с двумя рядами дверей, причем последняя дверь с внутренней стороны была обита толстым слоем резины для лучшей звукоизоляции. Не выпуская снаряженной винтовки из рук, Пригоров включил с операторского пульта освещение, и Дмитрий увидел перед собой протянувшийся не менее чем на полкилометра бетонный тоннель с установленными в дальнем конце мишенями и подвешенными на растяжках кусками железнодорожных рельсов. Пока он разглядывал подземную стрелковую галерею, майор перешел на рубеж открытия огня, поправил установленный там смотровой монокуляр, потом вскинул винтовку и, как показалось Дмитрию, даже не целясь, нажал на спуск. Одновременно с хлопком выстрела, который, несмотря на интегрированный глушитель снайперской винтовки, в узком пространстве галереи показался Дмитрию непривычно громким, один из подвешенных в противоположном конце тоннеля рельсов дернулся и закачался на пружинных растяжках.

– Смотрите, – Пригоров с довольным видом забросил винтовку на плечо и отступил в сторону.

Дмитрий не понял, зачем нужно куда-то смотреть, раз все и так видели, как он попал в цель, но все-таки заглянул в смотровую трубу. В центре пораженного рельса зияло сквозное отверстие. Дмитрий моргнул, прогоняя наваждение, и снова приложился к окуляру. Пробоина никуда не исчезла. В светлом круге свежесколотого металла она так и чернела перед глазами. Увиденное походило на фокус. Четыреста метров – предел прицельного выстрела «винтореза». Дальше пуля теряет устойчивость и зачастую летит мимо цели, а уж о том, чтобы она пробилла железнодорожный рельс, такого просто не может быть. Вернее, не бывало до последнего момента.

Оторвавшись от окуляра, Дмитрий перевел взгляд на Пригорова.

– Это что, особо мощный патрон?

Тот ухмыльнулся.

– Вроде того.

Сначала нож, пробивающий кевларовый бронежилет, потом пуля, пронзающая на пятистах метрах железнодорожный рельс, словно раскаленный нож сливочное масло. Дмитрий ни за что не поверил бы в это, если бы не увидел то и другое собственными глазами.

Заинтригованные разведчики столпились возле стереотрубы. Отталкивая друг друга, они старались заглянуть в окуляр. Группу следовало призвать к порядку, но Дмитрий не находил слов.

– А можно еще раз, товарищ майор? – не выдержал Чирок.

Пригоров лениво снял с плеча винтовку, хотя Дмитрий не сомневался, что солдатский восторг и изумление доставляют ему удовольствие.

– Расступитесь.

С винтовкой в руках он снова встал на огневой рубеж. Раздалось уже знакомое Дмитрию гулкое: «Бамг!» И в куске рельса, на десять сантиметров выше первой пробоины, открылось новое отверстие. Наблюдавшие за выстрелом разведчики уважительно покачали головами, кто-то даже восхищенно присвистнул. И только Дмитрий стоял в растерянности, не зная, как относиться к увиденному. Во всем этом, начиная от поведения майора до поистине фантастических возможностей продемонстрированного им оружия, была какая-то тайна. И эта тайна отчего-то страшила Дмитрия.

ГЛАВА 3

Полигон

Белье: обычное хлопчатобумажное и термокомплект на случай морозов, к нему же шерстяные носки, колготки и свитер – это одежда. Дальше: массажная расческа, косметичка, мыло, паста и зубная щетка... Добавив к разложенным на диване вещам футляр с зубной щеткой, Ольга еще раз сверилась со списком. И зачем, интересно, ей понадобилась косметичка? Она подняла плотно набитый кожаный несессер, повертела его в руках и, так и не решив, как с ним поступить, положила обратно на диван.

Еще никогда, собираясь в командировку на «Хрустальное небо», она не испытывала такого волнения. Даже в самый первый раз. Но тогда она еще не представляла, что там увидит. А сейчас представляет? Ее вдруг разобрал нервный смех. Отсмеявшись, Ольга смяла листок со списком необходимых вещей и бросила бумажный комок на стол. К черту! Что будет, то будет! Где-то глубоко-глубоко в сознании промелькнула мысль: и зачем она все это затеяла, зачем так рвется на полигон, но Ольга отогнала ее от себя. Потом достала с антресолей дорожную сумку и принялась укладывать туда разложенные на диване вещи. Наполненная сумка получилась что-то уж слишком тяжелой, хотя она отобрала только самое необходимое. Ольга взяла ее в руки, несколько раз прошла по комнате, всякий раз задерживаясь у темного окна, после чего поставила сумку на пол. Не столько тяжело, сколько неудобно. Особенно если придется бежать. Надо было купить походный рюкзак. Но сейчас уже поздно – даже работающие допоздна магазины давно закрыты. Самое время лечь в постель, чтобы как следует выспаться перед завтрашним днем, но сна не было ни в одном глазу. Ольга подозревала, что этой ночью вообще не сможет заснуть. Она уселась перед телевизором, долго перебирала программы, пока не наткнулась на ночной выпуск новостей.

Автомобильная авария в Оренбургской области: междугородний пассажирский автобус выехал на встречную полосу и столкнулся с грузовиком, трое пассажиров погибли на месте, еще пятнадцать человек, включая водителя, получили различные травмы. На Курильские острова и побережье Камчатки обрушился мощный тайфун. Зато в Австралии вторую неделю не стихают лесные пожары, на борьбу с огнем брошены подразделения национальной гвардии и силы добровольцев. Короткий отчет о заседании правительства и Государственной думы. О «Хрустальном небе» ни слова. А ведь там пропало без вести более полета человек! Ольга вдруг поймала себя на мысли, что не помнит точное число пропавших, хотя именно она и до и после ЧП готовила все справки о ходе проводящихся работ для канцелярии военного министра. Она хорошо помнила имена, фамилии и даже лица многих участников эксперимента. Многих, но далеко не всех. А ведь на «Хрустальном небе», помимо ученых, находилось полтора десятка человек технического персонала: лаборанты, монтажники, электрики, повара, уборщицы, наконец. Еще подразделение охраны. Сколько там было людей: двадцать, тридцать или больше? И вот уже две недели об их судьбе ничего неизвестно! А руководство Минобороны ведет себя так, словно ровным счетом ничего не произошло. Правда, министр с момента ЧП не дает интервью, не появляется на публике и вообще избегает журналистов. А от отдела экспериментальных исследований требует взять ситуации под контроль. Требовать проще, чем делать. Исполнять распоряжение министра предстоит группе разведчиков и преуспевшему в составлении отчетов и справок психологу-аналитику. А что, если Панов прав и ситуацию на «Хрустальном небе» уже невозможно нормализовать?! Тогда высадка разведгруппы станет чудовищной ошибкой...

Ольгу пробил холодный озноб. Она даже испугалась собственных мыслей. Несколько секунд или минут она сидела, тупо уставившись в телевизор и не понимая, о чем говорят с

экрана. Лишь когда новости сменились бессмысленной рекламой, она сумела взять себя в руки. Что бы ни произошло на «Хрустальном небе», необходимо это выяснить. И иного способа добиться этого, кроме направления на объект досмотровой группы, не существует. Потому что все технические средства отчего-то перестают там работать, хотя с воздуха и из космоса объект выглядит совершенно нормально. Если только можно считать нормальным полное отсутствие людей!

На телевизионном экране напившийся спрайта молодой мускулистый красавец парил на выросших у него за спиной водяных крыльях над крышами высотных зданий. Похоже, он тоже хотел оказаться на хрустальном небе, хотя представлял его себе совершенно по-другому. Такая режиссерская трактовка куда больше подошла бы для рекламы экстази, LSD и других галлюциногенов. Но сейчас Ольга не обратила внимания на явное несоответствие видеоролика и рекламируемого напитка. Мысленно она уже была на «Хрустальном небе», правда, не на том, о котором мечтал опившийся спрайта крылатый красавец.

Утром, наскоро позавтракав и выпив чашку кофе, Ольга отправилась в институт. Вопреки популярному шлагеру «Moscow never sleep», город еще спал. По не забитым дорожными пробками улицам Ольга домчалась до места за двадцать минут. Коридоры института тоже выглядели почти пустынными, правда, после ЧП на «Хрустальном небе» так было всегда.

На узле связи единственный дежурный оператор скучал за своим компьютером. Поздоровавшись с ним, Ольга со свободного терминала просмотрела поступившие за ночь данные космической разведки, но, как и ожидала, не обнаружила для себя ничего примечательного. С момента ЧП «Хрустальное небо» вместе с работавшими там людьми и всей аппаратурой погрузилось в глубокий летаргический сон. За все время наблюдения чувствительные сканеры космических аппаратов не зарегистрировали на его территории никаких электромагнитных излучений, ни появления людей, ни даже проникших за охранный периметр диких животных.

Из узла связи Ольга, как обычно, отправилась на доклад к Панову, но начальник где-то задерживался, хотя обычно приезжал в институт одним из первых. Ольга решила подождать Панова у себя в кабине, но там было жарко и душно от неистово жарящих в начале отопительного сезона батарей, и она вышла во двор. На гимнастической площадке, раздевшись по пояс – и это в середине октября, делал утреннюю зарядку Дмитрий Рогожин. Он тоже заметил ее, спрыгнул с брусьев, на которых выполнял головокружительные махи ногами и всем корпусом, и подошел.

– Доброе утро, Ольга Максимовна.

– Доброе. – Ольга отчего-то смутилась. То ли оттого, что Дмитрий застал ее в роли подглядывающей, то ли оттого, что почувствовала запах крепкого мужского пота, исходящий от его жилистого, мускулистого тела. – Еще так рано, а вы уже на ногах.

Дмитрий улыбнулся в ответ.

– Привычка. У нас на базе подъем в шесть утра. Но вы, я вижу, тоже привыкли рано вставать?

– Нет, – покачала головой Ольга. – Просто не спалось этой ночью.

– Волнуетесь?

Ольга смутилась еще больше.

– Почему вы так решили? Обычная бессонница. У меня такое бывает, – она почувствовала, что оправдывается. И перед кем? Перед лейтенантом! – Мне нужно идти. Да и вам тоже. Скоро отъезд, не опаздывайте.

– Есть, товарищ майор, – ответил Рогожин, не двигаясь с места.

Тогда Ольга повернулась сама и быстро зашагала прочь, но пока не скрылась за дверью, почувствовала спиной его горячий взгляд.

К счастью, Панов уже был на месте, что избавило Ольгу от необходимости анализировать свою встречу с Рогожиным, чего перед заброской на «Хрустальное небо» ей совсем не хотелось.

– Разрешите, Михаил Александрович?

Панов кивнул. Сегодня он опять выглядел неважно. Ольга решила, что минувшую ночь начальник отдела тоже провел без сна. Панов взял из стопки лежащих у него на столе бумаг плотно запечатанный конверт и, не поднимая глаз, протянул ей.

– Результаты последнего сеанса наблюдения вместе с инструкциями для командира разведгруппы.

Ольга хотела вскрыть конверт, но потом передумала. Запечатанный конверт выглядел солиднее.

– Есть какие-нибудь изменения?

Ответ напрашивался сам собой. Если бы на «Хрустальном небе» произошли какие-либо изменения, дежурный офицер связи или сам Панов немедленно сообщили ей об этом.

– Никаких. Только... – Михаил Александрович запнулся, чем крайне удивил Ольгу. – Вчера в том районе выпал первый снег. В горах так и до сих пор лежит, а на полигоне, по-видимому, сразу же растаял. Во всяком случае, ни на одном полученном фотоснимке снега нет.

– Ничего удивительного. Там открытое место, поэтому снег и тает быстрее.

– Вот и твои аналитики решили так же, – кивнул Панов.

И все-таки слова начальника зародили у Ольги сомнение.

– Есть данные о температуре почвы?

– Не удалось измерить из-за низкой облачности, – покачал головой Панов и, наконец, поднял глаза. – Ты по-прежнему намерена лететь?

– Конечно! – удивилась Ольга. – А почему я должна отказаться? Даже если на полигоне повысилась температура почвы, в чем я лично сомневаюсь, что это меняет? Мы по-прежнему не знаем, что там происходит.

– Вот именно потому, что там что-то происходит, я и не хочу, чтобы ты туда летела! – воскликнул Панов.

– Михаил Александрович, мы это уже обсуждали.

Панов устало выдохнул, опустил плечи и стал как будто даже ниже ростом.

– Упрямая, как Алексей... Все помнишь, что должна делать?

Ольга улыбнулась:

– Конечно, Михаил Александрович. Сначала осмотр территории и охранного периметра, потом строений: вспомогательных, затем основного. Связь через каждые два часа. О малейших неожиданностях докладывать немедленно.

– Ну а твои-то готовы?

– Вы о разведчиках? – уточнила Ольга. – Давно готовы и полны решимости выполнить поставленную партией и правительством задачу.

Она попыталась пошутить, но Панов не принял ее шутку.

– Ой ли, – покачал головой он. – А вот у меня сложилось впечатление, что их командир вовсе не горит желанием туда соваться.

– Товарищ полковник, – Ольга перешла на официальный тон. – Лейтенант Рогожин готов выполнить полученный приказ.

Но Панов не поддержал и такого тона.

– Ни к чему он не готов. Да и ты тоже, – устало произнес он и снова отвернулся. – Ладно, иди, раз ты уже все решила. Самолет подготовлен, машина тоже. Выезд по плану. И... храни тебя бог.

Ольга изумилась: «храни тебя бог». Сегодня Панов не походил на себя. Она поднялась из-за стола, но, прежде чем направиться к двери, задержалась.

– Вы пойдете на заключительное построение?

– Нет! – резко ответил полковник. – И на аэродром не поеду. Сама же говорила, что это лишнее.

* * *

Отъезд прошел на удивление обыденно. Не было никаких торжественных речей и прощального напутствия руководителей института. Никто из них даже не вышел проститься с отправляющимися на полигон испытателями. Вместо этого к медицинскому блоку тихо подъехал уже знакомый Дмитрию микроавтобус, куда разведчики под бдительным оком майора Пригорова накануне загрузили тюки с отобранным снаряжением и ящики с оружием и боеприпасами. Им даже пришлось снять два ряда задних сидений, чтобы разместить весь груз в пассажирском салоне. Рессоры машины здорово просели. Заметив это, Дмитрий подумал, сможет ли она тронуться с места вместе с грузом и бойцами, для которых этот груз предназначен. Но все обошлось. Разведчики кое-как расселись на оставшихся сиденьях, место в кабине, рядом с водителем, заняла Ольга, зачем-то переодевшаяся в полевую форму, и изрядно просевший микроавтобус плавно покати к воротам.

Дмитрий отчего-то вообразил, что на полигон их будет сопровождать Пригоров, и приятно удивился, когда к машине вместо него вышла Ольга. Парни отреагировали на ее появление по-разному. Глухарь недовольно набычился, а Чирок задорно спросил:

– Вы с нами, товарищ майор?

– С вами, Чирков, – сухо ответила она. Видимо, ее мысли в этот момент были заняты другим.

У большинства разведчиков, за исключением разве что Глухаря, о военвраче сложилось приятное впечатление, поэтому парни обрадовались такой компании. Правда, поболтать с Ольгой по дороге так и не удалось – стекло, отделяющее водительскую кабину от пассажирского отсека, начисто гасило все звуки.

Больше занять себя было нечем, и Дмитрий уставился в окно. Он настроился на долгий многочасовой путь, но микроавтобус, выехав за МКАД, неожиданно свернул в сторону подмосковного военного аэродрома.

Обнаружившие это разведчики недоуменно переглянулись.

– Чугун, мы что, куда-то летим? – обеспокоенно спросил Гиря.

Дмитрий тоже почувствовал необъяснимое беспокойство. Но командир во всех ситуациях должен сохранять хладнокровие.

– К черту на кулички! – опередил его с ответом Глухарь и расплылся в ехидной усмешке, предлагая и остальным посмеяться над собственной шуткой. Но никто в микроавтобусе даже не улыбнулся.

Дмитрий тоже решил не реагировать на выпад прежнего командира.

– Видимо, иначе до полигона не добраться, – предположил он и, покосившись на стекло, отделяющее пассажирский отсек от водительской кабины, добавил: – Или нас специально собирутся покатасть по воздуху, чтобы создать видимость удаленности испытательного полигона.

– Что-то уж слишком сложно, – заметил Злой, крайне редко принимавший участие в общих дискуссиях. – И потом, какая, в сущности, разница, где находится полигон?

На какое-то время в машине наступила тишина. Все задумались над словами Злобина. А потом микроавтобус въехал на аэродром, и салон наполнился привычным авиационным гулом, от которого не спасала даже качественная внутренняя обшивка.

Попетляв по летному полю, фургон остановился возле транспортного «Ана». Судя по опущенной аппарели, транспортник стоял под загрузкой. Но возле самолета отчего-то не суетились ни вездесущие авиационные техники, ни солдаты из роты аэродромного обслуживания. Дмитрий разглядел лишь несколько человек в не по сезону теплых летних куртках, которые, скорее всего, были членами экипажа. Большого он рассмотреть не успел, потому что в борту микроавтобуса распахнулась боковая дверь, и в пассажирский отсек заглянула Ольга.

– Снаряжение погрузить в самолет и надежно закрепить. Бортинженер покажет, куда его складывать. Через полчаса взлетаем, а перелет предстоит неблизкий, – коротко объявила она.

Люди в летной форме, которых Дмитрий заметил возле самолета, действительно оказались членами экипажа. Один из них вслед за военврачом подошел к выбравшимся из машины разведчикам.

– Кто старший группы?

Дмитрий назвал себя.

– Капитан Маслов, бортинженер! – представился летчик. Из-за шума ревущих авиационных двигателей ему приходилось кричать. – Следуйте за мной.

Направляясь за оказавшимся тезкой Мосла бортинженером к распахнутым створкам грузового отсека, Дмитрий покосился на Ольгу: как она чувствует себя в таком шуме. Удивительно, но она держалась совершенно непринужденно, словно уже неоднократно бывала на аэродроме, и даже о чем-то расспрашивала одного из пилотов, а тот, что еще более удивительно, обстоятельно ей отвечал.

За то время, пока разведчики перетаскивали из микроавтобуса в самолет свой груз, Ольга успела переговорить со всеми членами экипажа. Причем летчики держались с ней как с давней знакомой. Из этого следовал только один вывод: она уже неоднократно летала с этим экипажем. Но куда и зачем мог летать врач-психолог, научный сотрудник оборонного НИИ, да еще с одними и теми же пилотами, было совершенно непонятно. Дмитрий, периодически поглядывающий на женщину и обступивших ее летчиков, ощутил даже что-то похожее на ревность.

Погрузку закончили раньше отпущенного срока. Перетаскать в транспортник пару центнеров снаряжения и закрепить в десантном отсеке с помощью сеток для восьми здоровых парней оказалось несложно. Бортинженер собственноручно проверил крепление страховочных тросов и удовлетворенно хлопнул в ладоши.

– Располагайтесь, где понравится. Как диспетчеры дадут «добро», сразу взлетаем.

Действительно, свободного места в огромном и пустом грузопассажирском салоне военного транспортника было предостаточно. Из своего опыта Дмитрий знал, что такой самолет берет на борт роту парашютистов. Однако сейчас в нем, похоже, должны были лететь всего восемь разведчиков.

– Куда хоть летим, капитан? – спросил у бортинженера оказавшийся рядом Глухарь.

Не ответит, решил Дмитрий.

– На север, – объявил Маслов с загадочной усмешкой и бодро зашагал по аппарели вниз.

Дмитрий вдруг со всей ясностью понял: сейчас закроется грузовой люк, и он, возможно, уже никогда не увидит Ольгу. Сразу накатила грусть, а на душе стало горько и обидно от того, что он даже не успел с ней попрощаться. Стоило так подумать, как Ольга сама появилась в проеме распахнутого люка да еще с большой дорожной сумкой в руках, которую он у нее прежде не видел.

– Что с вами, Рогожин? Удивлены моим появлением? – похоже, она тоже удивилась.

Дмитрий просиял.

– Вы летите с нами?

– Конечно. Я же, кажется, уже говорила.

Но Дмитрий никак не мог поверить в такую удачу.

– А... сумка у вас откуда?

– Из машины достала. – Ольга настороженно прищурилась. – Рогожин, с вами все в порядке?

– Да-да, товарищ майор. Извините, – Дмитрий поспешно отступил в сторону. – Проходите, располагайтесь.

– Может быть, пройдете в кабину? Место найдется, – предложил ей бортинженер, отчего Дмитрий сразу почувствовал к нему неприязнь.

Но Ольга решительно отказалась.

– Благодарю. Я полечу со своей группой.

Она, конечно, не командовала разведгруппой. Но за такой ответ Дмитрий готов был простить ей любую неточность.

* * *

Через два с половиной часа полета, а если совсем точно, то через два часа сорок две минуты, самолет приземлился на Пермском военном аэродроме и, гася скорость, стремительно покатился вперед по взлетно-посадочной полосе.

Почувствовав вибрацию корпуса, Ольга открыла глаза и первым делом посмотрела на часы. Отмеченное время приятно удивило ее. Прежде перелет из Москвы никогда не занимал меньше трех часов. Ольга посчитала это хорошим знаком. За время полета она неплохо выпалась и сейчас чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Даже предстоящий перелет на полигон ничуть не пугал ее. Одолевавшие ее в Москве тревожные мысли бесследно исчезли, уступив место трепетному волнению, которое она испытывала всегда на подлете к «Хрустальному небу». Даже разведчики, порядком утомившие ее, особенно в начале полета, своими разговорами и бессмысленными вопросами, больше не раздражали ее. Ольге вдруг захотелось рассказать им все: всю правду о «Хрустальном небе» и проходящем там грандиозном эксперименте, но этого, конечно, нельзя было делать.

С трудом дождавшись, когда самолет остановится на летном поле, она поднялась со своего сиденья и обратилась к расположившимся на соседней скамье спецназовцам:

– Товарищи испытатели, мы с вами совершили посадку на окружном военном аэродроме. Но это не конечная точка нашего маршрута.

Ольга поймала себя на мысли, что говорит, как бортпроводница, но никак не могла подобрать иных, более уместных, слов. Все потому, что раньше в компании командированных на «Хрустальное небо» ученых и военных экспертов ей не нужно было лгать и притворяться.

– Перелет на испытательный полигон займет еще около двух часов, – продолжала она. – Сейчас перегружаем все снаряжение в подготовленный для нас вертолет и сразу улетаем.

– А поесть, товарищ майор? – спросил ефрейтор Игнатов, получивший среди разведчиков прозвище Гирия.

Ольга удивилась: неужели спецназовцам самим не хочется как можно скорее оказаться на полигоне?

– Разве вас сегодня не накормили?

– Так это когда было, товарищ майор, – настаивал Игнатов.

Одобренный министром план переброски разведгруппы на «Хрустальное небо» не предусматривал остановок для приема пищи. Никакое отступление от плана не допускалось. Дело было даже не в том, что такая задержка могла нарушить утвержденный на самом верху график прохождения маршрута, а в том, что для сохранения секретности проводимой операции следовало максимально ограничить контакты разведчиков по пути следования на полигон.

Ольге пришлось проявить твердость.

– Пообедаете на месте сухим пайком. А сейчас за дело. Лейтенант Рогожин, командуйте.

Не прошло и нескольких минут после открытия грузового люка, как к самолету подъехал зачехленный тентом грузовик, куда спецназовцы быстро перегрузили свое снаряжение. Лишних вопросов больше никто не задавал, все работали слаженно и четко. Хотя на лице Рогожина Ольга заметила некоторое недоумение.

Загруженный грузовик наискось пересек летное поле с несколькими одиночными самолетами, которые, похоже, уже давно не поднимались в воздух, свернул к вертолетной площадке и остановился возле единственного здесь вертолета с предупредительно распахнутыми люками.

Экипаж уже находился на месте. Впрочем, иного Ольга и не ожидала: когда вопрос находится на контроле у самого министра, все указания, как правило, выполняются точно и в срок.

Подполковник, командир экипажа, один из немногих пилотов, имеющих допуск к полетам на «Хрустальное небо» и осведомленный о местонахождении полигона, за руку поздоровался с ней.

– Рады вас видеть, Ольга Максимовна. Ваша команда? – кивнул он на выбирающихся из кузова разведчиков.

– Да, – не вдаваясь в подробности, ответила Ольга. – К вылету все готово?

По большому счету вопрос был излишен, но подполковник так не считал.

– Так точно, Ольга Максимовна. Ждем только вас.

Ольга обернулась к ожидающим возле машины спецназовцам:

– Снаряжение в вертолет. Взлет по готовности. И... – она запнулась, но затем, отбросив сомнения, добавила, – приготовьте оружие.

Подавая пример, Ольга достала из сумки свой упакованный в кобуру пистолет и закрепила у себя на поясе. Несколько секунд разведчики недоуменно смотрели на нее, потом по команде Рогожина начали разбирать из ящиков отобранные на складе автоматы, ножи, гранаты и пистолеты.

– А бронник надевать? – спросил кто-то. Кажется, Игнатов, судя по голосу.

Перехватив вопросительный взгляд Рогожина, Ольга незаметно кивнула.

– А лопатку? – не унимался Игнатов.

– Саперные лопатки, противогазы и химическую защиту пока можете оставить, – пришла на помощь командиру группы Ольга.

Однако и такое послабление не воодушевило спецназовцев. Недовольно ворча и, похоже, даже ругаясь, они принялись перетаскивать свои вскрытые и еще нетронутые тюки и ящики внутрь вертолета. Это дело явно пришлось им не по душе. Один Рогожин работал молча, но и на его лице Ольга не заметила ожидаемого энтузиазма.

* * *

Сегодняшний день так и не дал ответов на накопившиеся у Дмитрия вопросы, а только добавил новые. Чем вызвана явная поспешность отправки группы из московского института? Как вышло, что на всем пути следования на испытательный полигон их ждут готовые к вылету транспортники и разъездные аэродромные машины? А ведь так бывает крайне редко. Почти никогда не бывает. То самолет не заправлен, то нет свободных машин, то экипаж где-то задерживается, то занята взлетная полоса или авиадиспетчеры не могут найти в плане полетов «окно» для вылета. А тут все идет как по маслу, без малейшей задержки. Словно они генеральные инспектора из руководства Минобороны или, по крайней мере, только что вернувшиеся с орбиты космонавты. А ведь они не инспектора, не руководители и не космонавты – они бойцы войсковой разведки в званиях от ефрейтора до старшего лейтенанта, сопровождаемые майором медицинской службы. И летят они не в очередную горячую точку, чтобы помочь атакованным российским миротворцам или уничтожить террористов, захвативших городскую больницу, а на испытательный полигон, на рядовые в масштабах страны тактические учения. Только и всего.

Вот отсутствие рабсилы: отделения или пары-тройки солдат из роты аэродромного обслуживания, используемых на тяжелых работах, не требующих высокой квалификации, а также на погрузке-разгрузке, как раз легко объяснить. «Какие-то испытатели, направляющиеся не то на тренировку, не то на сборы. Чего ради них надрываться? Сами справятся». Но и это объяснение, между прочим вполне логичное, годилось бы лишь в том случае, если бы не было ожидающих их машин и самолетов. А сейчас... сейчас это больше походит на конспирацию.

И оружие роздано личному составу еще до вылета, словно они летят не на учебный полигон, а за линию фронта, в глубокий вражеский тыл.

В какой-то момент Дмитрию показалось, что все именно так и происходит. Что все они, подобно героям кинофильма, попали в прошлое – в 1942-й или 1943 год, и внизу огромная, захваченная опасным и безжалостным врагом территория, и дула вражеских зенитных орудий уже нацелились на летящую в небе одинокую машину. Ощущение оказалось настолько сильным, что его не смогло побороть даже осознание того, что ни в 42-м, ни в 43-м ни у одной из воюющих армий еще не было вертолетов, а оружие и экипировка забрасываемых во вражеский тыл диверсантов не шли ни в какое сравнение с тем, что они имели сейчас.

Подавшись вперед, Дмитрий выглянул в иллюминатор. Там все было по-прежнему. Все тот же мирный холмисто-лесистый пейзаж, без направленных в небо локаторных антенн, стволов пушек и зенитных ракет. Но сосущее чувство опасности не уходило, хотя Дмитрий не видел для этого ни единой причины.

Он перевел взгляд на Ольгу, которая сидела как раз напротив него. Сегодня она тоже выглядела не совсем обычно. Во всяком случае, не так, как всегда. Ее глаза, прежде спокойные и внимательные, сейчас сияли нервным азартом, как у солдата, вколовшего себе «озверин» или другой допинг, вызывающий выброс в кровь адреналина и других гормонов. Да и вела себя она тоже довольно странно. Всегда выдержанная и уравновешенная, сейчас она то и дело нетерпеливо выглядывала в иллюминатор, хотя смотреть там было совершенно не на что, кроме хвойного леса, скалистых холмов да протянувшихся между ними ломаных узких долин, которые ее явно не интересовали.

С нарастающим беспокойством Дмитрий осмотрел своих бойцов. Но те, в отличие от него, похоже, не испытывали никаких неприятных ощущений: Чирок и Жила переговаривались между собой, Фагот и Злой дремали, Мосел тоже клевал носом, Гиря о чем-то вспоминал или размышлял с мечтательной улыбкой на лице. Только Глухарь хмурился. Правда, с тех пор как полковник Панов временно отстранил Глухаря от командования группой, он почти все время хмурится. Или все-таки что-то подозревает?

Переступив через собственную неприязнь к прежнему командиру, Дмитрий уже собрался прямо спросить Глухаря об этом. Но в этот момент вертолет ощутимо тряхнуло, и машина нырнула к земле. Линия горизонта со стороны борта, где сидел Дмитрий, провалилась вниз. Теперь в его иллюминаторе было только небо с темными хмурыми облаками. Потом снова появились поросшие лесом холмы, но их скалистые вершины стали уже гораздо ближе.

– Мы на месте! – на весь салон громко объявила Ольга.

– Приготовиться к посадке! – подхватил Дмитрий и, как и полагается командиру, передвинулся ближе к двери выходного люка.

В соседнем иллюминаторе на мгновение промелькнули крыши каких-то строений, решетчатая мачта или антенна, и вот уже вертолет коснулся земли.

– Пошли! – скомандовал Дмитрий.

Он еще не успел отдать команду, как Глухарь, сидевший ближе всех к выходу, мощным рывком распахнул входную дверь и первым выпрыгнул наружу. За ним с ручным пулеметом наперевес в открытый люк нырнул Мосел, следом Чирок, Жила, Фагот и Злой. Замешкавшегося Гирию Дмитрий буквально вытолкнул наружу, после чего выпрыгнул сам. Бойцы уже успели рассредоточиться и залечь вокруг вертолета. Четыре автоматных ствола, не считая автомата Дмитрия, снайперская винтовка и пулемет грозно уставились в пространство на покрытые мазками зелени скалы. Только шестиствольный «РГ-6»³, снаряженный шестью осколочно-фугасными гранатами в могучих лапах Фагота смотрелся детской игрушкой. Несмотря на свои небольшие размеры и вес, эта «игрушка» способна была создать сплошную зону пора-

³ «РГ-6» – ручной шестиствольный гранатомет револьверного типа.

жения на площади в шестьдесят квадратных метров, за что пользовалась заслуженным уважением среди спецназовцев.

Правда, сейчас готовность разведчиков применить свой арсенал, по сути, оказалась лишь демонстрацией силы. Никто не собирался атаковать разведгруппу или высадивший ее вертолет. Дмитрий вообще не заметил на обозримом расстоянии вокруг машины никакого движения.

– Доложите обстановку, – тем не менее потребовал он.

– Все чисто, Чугун, – отозвались разведчики с разных сторон, подтвердив его собственные наблюдения.

Дмитрий повернулся к вертолету, откуда за ним внимательно следила Ольга:

– У нас все спокойно, товарищ майор. Путь свободен.

Она осторожно прыгнула на землю, осмотрелась по сторонам и удовлетворенно кивнула:

– Хорошо. Выгружайте снаряжение.

– Злой, Мосел, дозорные. Остальным приступить к разгрузке.

Через пару минут мешки с сухим пайком и снаряжением и ящики с оружием и боеприпасами были выгружены из вертолета и сложены на земле, а разведгруппа, за исключением дозорных, выстроилась в шеренгу напротив не заглушившей двигателя вертушки. Ольга подняла руку и что-то сказала наблюдающему из кабины пилоту, а, скорее всего, просто помахала в ответ, потому что разобрать ее голос в шуме работающих двигателей и треске вращающихся лопастей все равно было невозможно. Вертолет немного просел на своих шасси, словно собиравшись с силами, а потом действительно прыгнул вверх, стремительно набрал высоту и исчез, скрывшись за лесом.

У Дмитрия возникло странное чувство безвозвратной потери, когда поднявшаяся в воздух машина пропала из вида. Словно оборвалась какая-то нить, связывающая их с базой, большой землей и всем остальным миром. Место высадки действительно выглядело пустынным и заброшенным и совсем не походило на полигон. Скорее на покинутую стройплощадку с огромным земляным курганом посредине, склоны которого уже успели зарости бурьяном, а кое-где и колючим можжевельником. На расчищенном от леса участке размером с пару футбольных полей, окруженном со всех сторон крутыми каменистыми утесами, сиротливо выстроились в ряд десятки жилых и бытовых вагончиков, за которыми виднелись врытые в землю цистерны с соляровкой, а может и с питьевой водой. Еще здесь были какие-то железные решетчатые фермы, установленные по периметру насыпного кургана, назначения которых Дмитрий так и не понял. А вот чего здесь не было вовсе, так это траншей, рвов, дотов, блиндажей, сектора для стрельбы и полосы препятствий – неперенных атрибутов любого полигона.

Он недоуменно посмотрел на Ольгу.

– Это и есть тот полигон, о котором вы говорили?

– Совершенно верно, – ответила она, глядя не на него, а в сторону земляного кургана. – Ваше первое задание: осмотреть территорию и выбрать безопасное место для лагеря. Задача ясна?

Дмитрий кивнул:

– Так точно, товарищ майор.

– Тогда приступайте.

– Есть, – озадаченно ответил Дмитрий, подивившись на то, как Ольга лихо бросила руку к виску, отдавая приказ.

– Мосел, остаешься с майором охранять снаряжение. Глухарь, Гиря и Фагот, осмотреть постройки. Глухарь старший. Остальные за мной.

Отдавая приказы, Дмитрий вновь почувствовал себя в своей среде. Мучившие его вопросы отодвинулись на второй план, а первое место по приоритету заняла поставленная группе задача, которую нужно было выполнять.

Но Ольга остановила его.

– Нет! – резко сказала она. – Сначала осмотр территории, строения потом! И держитесь вместе. – А когда Дмитрий недоуменно посмотрел на нее, добавила: – Считайте, что это приказ.

Пришлось подчиниться.

– Мосел, Фагот, на месте. Остальные за мной.

Глухарь презрительно хмыкнул. Такое отношение к приказам уже вошло у него в привычку. Но сейчас Дмитрию было не до выяснения отношений с прежним командиром.

* * *

Отправив Рогожина с командой разведчиков на осмотр территории, Ольга занялась делом. У нее была своя работа, может быть, даже более важная на этот момент. Следовало проверить надежность связи между Центром и «Хрустальным небом», и это дело она не могла доверить никому. Убедившись, что оставленные для охраны временного лагеря часовые четко контролируют обстановку, Ольга достала портативный спутниковый коммуникатор, отличающийся от аналогичных приборов в свободной продаже несколько большими размерами и весом, которые являлись неизбежной платой за ударопрочный водонепроницаемый корпус и стойкость к помехам. Еще одной особенностью коммуникатора являлся встроенный блок перекодировки, синхронизированный с точно таким же дешифратором в коммуникаторе полковника Панова.

Протерев дисплей от налипших пылинок, Ольга включила коммуникатор. Где-то в подкорке промелькнула мысль, что, возможно, прибор окажется бесполезным на «Хрустальном небе», но не прошло и минуты, как на экране появилась пиктограмма, указывающая на то, что коммуникатор установил связь со спутником-ретранслятором. Ольга быстро напечатала с помощью виртуальной клавиатуры короткое сообщение для Панова.

«Первому. Состояние: зеленый. Прибыли на место в 16.50. Объект выглядит покинутым, разрушений нет. Люди не обнаружены. Досмотровая группа ведет осмотр территории. Заря».

Для первого отчета вполне достаточно. Ольга перекодировала текст в зашифрованный файл, после чего нажала иконку «отправить». Высветившееся вслед за этим информационное сообщение подтвердило, что файл благополучно отправлен адресату. Итак, первое, что требовалось проверить, прибыв на место, она выяснила. Правда, чтобы окончательно убедиться в надежности канала связи, следовало дождаться ответного сообщения Панова.

Долго ей ждать не пришлось. Не прошло и пары минут, как погасший экран коммуникатора вспыхнул голубоватым светом, высветив иконку получения корреспонденции. Ольга сейчас же развернула на экране принятый файл. Он оказался исчерпывающе лаконичным.

«Заря. Вас понял. Продолжайте работу. Желаю удачи. Первый».

Вот так: коротко и ясно. Но главное, что связь с Центром налажена. Это лучше всяких слов должно успокоить Панова.

– Помощь не нужна?

Ольга быстро подняла глаза. Рядом с ней стоял сержант Маслов и следил за ее манипуляциями с коммуникатором.

– У меня все в порядке. С чего вы взяли?

Маслов пожал плечами:

– Просто у вас такое сосредоточенное лицо.

Ольгу бросило в жар. Только этого не хватало. Ни в коем случае нельзя показывать разведчикам свое волнение. Достаточно одного подозрения, чтобы вся старательно выстроенная легенда лопнула как мыльный пузырь.

Она отключила прибор и убрала в нагрудный карман форменной куртки, старательно застегнув прикрывающий карман клапан.

– Вы получили задание от командира?

– Получил.

– Вот и выполняйте его.

Маслов нахмурился и недовольно пробурчал:

– Есть, товарищ майор.

После чего вернулся на прежнее место.

Закусив губу, Ольга наблюдала за ним. Если бы на месте Маслова оказался Рогожин, от него не удалось бы так просто отделаться. Хотя, возможно, объяснение с Дмитрием ей еще предстоит.

* * *

Вокруг никого. Это можно было понять, даже не трогаясь с места. Однако еще недавно здесь находились люди, и этих людей было немало. Прежде примятая трава уже успела распрямиться, но на земле еще можно было различить протоптанные тропинки, ведущие от вагончиков к... земляному кургану! Наверное, при детальном осмотре в траве найдутся и окурки, сгоревшие спички, обертки сигарет, пустые бутылки и прочий бытовой мусор, появляющийся на любой, даже кратковременной стоянке. Мусор может многое рассказать о том, кто его оставил, поэтому военных разведчиков всего мира учат изучать его и делать соответствующие выводы. И хотя общий срок службы в военной разведке у Дмитрия Рогожина составлял немногим более года, а в спецназе – и того меньше, он дал себе зарок собрать и изучить весь найденный мусор. Однако в первую очередь следовало убедиться в безопасности обследуемой территории.

Начать осмотр Дмитрий решил с кургана, так как именно к нему вело большинство протоптанных тропинок.

– Рассредоточиться! – скомандовал он и, когда разведчики, включая и Глухаря, выполнили приказ, ступил на одну из них.

Тропа, оказавшаяся на удивление чистой: без окурков, обгоревших спичек и обрывков бумаги, обогнула курган и вывела Дмитрия к земляному валу, оказавшемуся при ближайшем рассмотрении бетонным бруствером, плотно обложенным дерном, за которым располагались сдвижные стальные ворота, преграждающие доступ в недра кургана. Пересекая бруствер, от ворот протянулась уходящая вдаль прямая, как стрела, и удивительно ровная гравийная насыпь, похожая на железнодорожную, только гораздо уже. Кто и зачем выстроил ее, было совершенно непонятно, так как, не доходя трехсот или четырехсот метров до ближайшего холма, насыпь попросту обрывалась. Для прохода людей в воротах имелась отдельная дверь с массивным запорным штурвалом, также наглухо закрытая. Впрочем, преграда оказалась мнимой. В основании сдвижной бронеплиты, как раз на уровне человеческого роста, зияло полутораметровое отверстие с неровными краями оплавленного металла, через которое свободно мог протиснуться боец даже в полном боевом снаряжении.

Пока Дмитрий разглядывал взорванные ворота, Чирок обогнал его, потрогал края пробоины пальцем и удивленно присвистнул.

– Ничего себе!

Правда, после того как Дмитрий сурово взглянул на него, тот сразу прикусил язык и вернулся на место.

Подав прикрывающим его бойцам знак быть наготове, Дмитрий осторожно приблизился к воротам и заглянул внутрь. Из темной дыры на него пахнуло причудливой смесью запахов озона, морских водорослей и гнили. Наверное, так должно пахнуть на берегу океана после тропического шторма. Но разглядеть что-либо в темноте без фонаря оказалось невозможно.

Дмитрий обернулся к Чирку, который даже вытянул шею, стараясь заглянуть в отверстие из-за спины командира:

– Останешься здесь наблюдать за входом... точнее за выходом. В случае опасности, появления посторонних и малейшего движения с той стороны подашь сигнал голосом или выстрелишь в воздух.

Среди еще нераспакованного снаряжения группы имелись подшлемные рации с одним наушником и вынесенным ко рту микрофоном, обеспечивающие устойчивую связь на дальности до полутора километров, по одной на каждого разведчика. Дмитрий остро пожалел, что своевременно не позаботился раздать их. Поддерживать связь с дозорными с помощью портативных раций было бы гораздо удобнее.

Однако Чирка отсутствие рации ничуть не смутило. Он энергично кивнул:

– Есть, командир.

Позже Дмитрий не раз вспоминал выражение его лица в тот момент. Оно выглядело так, словно Чирок хотел что-то сказать, спросить или, наоборот, предупредить о чем-то. Ничего этого Дмитрий так и не узнал. Больше он Чирка не видел.

Рассредоточившись, разведчики тщательно осмотрели склоны кургана, но не обнаружили других проходов в подземелье. В какой-то мере такой результат удивил Дмитрия, так как планы устройства заглубленных бункеров и прочих подземных убежищ предусматривают наличие, помимо основного, еще одного или даже нескольких запасных выходов. Злой предложил подняться на вершину. Но Дмитрий это запретил: приближалась ночь, а до наступления темноты нужно было закончить осмотр оставшейся территории.

Их всех сооружений полигона ближе всего к кургану располагались вкопанные в землю цистерны. Туда он и повел свою группу. Но ничего примечательного разведчики там не обнаружили. Возле цистерн ощущался стойкий запах солянки, подтвердивший первоначальный вывод Дмитрия об их назначении. Имелся здесь и сколоченный из досок грибок, служивший укрытием для некогда выставляемого возле цистерн часового. Очевидно, грибок возводился в расчете на длительную эксплуатацию, так как помимо укрытия от дождя на посту прежде находился и телефонный аппарат, о котором напоминали свисающие со столба оборванные провода. Судя по линии разрыва, провода не были перерезаны ножом, а именно оборваны. «Вывраны с мясом», – как сказал Жила, осмотрев вслед за Дмитрием телефонный кабель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.